

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром известный специалист в области изучения процессов развития высшей школы профессор Филип Дж. Альтбах.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных,

региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе НИУ «Высшая школа экономики» функционируют 47 исследовательских центров и 25 международных лабораторий, занимающихся реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№81/ Лето 2015

Международные темы

- 6 Интернационализация и международная напряженность: чему нас учит история
Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит
- 8 Перспективы глобальных университетских объединений
Робин Миддхёрст
- 10 Ведут ли совместные образовательные программы и программы двойных дипломов к обесцениванию образования?
Джейн Найт
- 12 США впереди планеты всей? Не в вопросах интернационализации
Мадлен Ф. Грин

Частное высшее образование

- 14 Уникальная ниша частного высшего образования в Новой Зеландии
Малкольм Аббот
- 16 Частное высшее образование в Индии: решение или проблема?
Кришнапратап Б. Повар

Великобритания: проблемы и новые задачи

- 18 Качество научной работы в Великобритании становится все лучше и лучше?
Саймон Марджинсон
- 20 Транснациональные пути получения высшего образования в Англии
Жанет Илиева

Латиноамериканские вопросы

- 21** Сколько стоит профессор? Проблема привлечения лучших кадров
Марселу Кнобель
- 23** Кризис и тоска по родине: новые возможности для возвращения интеллектуалов в Латинскую Америку?
Иван Ф. Пачеко

Изменения в Афганистане

- 25** Восстановление и обновление системы высшего образования в Афганистане
Фред М. Хейуорд, Мохаммад Осман Бабури
- 27** Проблема развития автономной системы высшего образования в Афганистане
Джозеф Б. Бергер, Ханни С. Тома

Страны и регионы

- 29** Укрепление общественной роли африканских университетов
Генри Мугаби
- 30** Неолиберальная система управления в австралийском высшем образовании: усугубление кризиса
Рэйвин Коннел
- 33** «Смешанные университеты» в Китае: сравнение университетов в Шанхае и Шэньчжэне
Рут Хейхоу, Джулия Пан
- 35** Японский проект «Ведущий мировой университет»
Юкико Симми, Акиёси Йонедзава

Новости Центра по изучению МВО

- 37** Центр по изучению международного высшего образования рад приветствовать нового директора
Лора Рамбли

Новые публикации

Интернационализация и международная напряженность: чему нас учит история

Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит

Филип Дж. Альтбах — исследователь, директор-основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Ханс де Вит — новый директор центра, он также продолжает оставаться директором Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия). E-mail: J.w.m.de.wit@hva.nl.

Это сокращенная версия эссе, опубликованного в Journal of Studies in International Education. Vol. 19. No. 1. 2015.

После года роста напряженности в ряде регионов мира, включая Европу, а также после потрясшего Париж теракта фундаменталистов в начале 2015 года пришло время посмотреть на то, как все эти события влияют на высшее образование. Современный социально-политический климат, безусловно, сказывается на международном высшем образовании. Рост национальных, религиозных и идеологических конфликтов подрывает саму идею развития международного взаимодействия и обмена в высшем образовании, изначально нацеленную на поддержание мира и развитие общемирового взаимопонимания. Человечество не видело потрясений и напряжений такого масштаба со времен окончания холодной войны. Какие уроки мы можем извлечь из истории и как нам действовать и реагировать в новых условиях?

Война за прекращение всех войн

Размышления об образовании во времена Средневековья наводят на мысль о существовании в те времена своего рода единого европейского университетского пространства, которое было подобно сегодняшнему, когда ученые свободно передвигались по континенту и говорили на одном и том же языке — латыни. В XVIII-XIX веках университеты стали во многом менее международными, так как перешли на преподавание на национальных языках, иногда даже запрещая своим студентам обучаться за рубежом, и сфокусировались на национальных приоритетах. Иными словами, можно сказать, что этот период в истории высшего образования стал периодом национализации и деевропеизации. Конец Первой мировой войны принес новый виток интернационализации. Рассмотрение происходивших

в тот период процессов имеет особую значимость, так как именно они во многом сформировали современную образовательную реальность. В результате потрясений, произошедших за время Первой мировой войны, появилось понимание того, что академическое сообщество может вносить значительный вклад в укрепление мира и развитие международной солидарности. Сейчас, через сто лет после начала той войны, интересно проанализировать роль, которую играл академический мир в реализации этих идеалистических идей, а также почему они провалились.

Европа вышла из Первой мировой войны глубоко травмированной. Ученые и интеллектуалы искали всевозможные подходы к развитию солидарности европейских стран, рассматривая ее как одно из ключевых оснований мирной жизни. Мысль о том, что в начале войны ученые разных стран самозабвенно увлеклись националистическими идеями, легко предавал идеалы Просвещения, приводила в ужас. Появление таких организаций, как Институт международного образования (ИЕ) в США в 1919 году, Германская служба академических обменов в 1925 году, Британский совет в 1934 году, стало примером политических инициатив, направленных на поддержание мира и развитие взаимопонимания, реализуемых под эгидой Лиги Наций. Однако все эти усилия не смогли предотвратить рост фашизма и нацизма в Европе и японского милитаризма на Дальнем Востоке. Таким образом, противодействующие негативные политические силы в очередной раз одержали победу над идеями мира и сотрудничества. Самый грандиозный провал этих идей наблюдался в нацистской Германии, где университеты участвовали в реализации ультранационалистической идеологии.

Поистине глобальный конфликт и его последствия

Те, кто пережил Первую мировую войну, и представить не могли, что подобный конфликт разгорится вновь, однако всего 21 год спустя началась Вторая мировая война. После ее окончания в 1945 году поднялась новая волна идеализма, на этот раз реализовавшаяся в форме создания Организации Объединенных Наций, целью которой стали мировая безопасность и непрерывное развитие. Распад колониальной системы

**Человечество
не видело потрясений
и напряжений такого
масштаба со времен
окончания холодной
войны.**

привел к новым реалиям в области высшего образования в странах третьего мира. В очередной раз на высшее образование была возложена задача укрепления международного взаимопонимания, в результате чего получили развитие или появились новые программы академического обмена, самым ярким примером которых является Программа Фулбрайта. В европейских странах интернационализация была в основном нацелена на развитие мобильности студентов и преподавателей из бывших колоний, однако эти программы были фрагментарными и не носили массового характера. В странах Европы и Северной Америки на национальном уровне международное академическое взаимодействие и обмен воспринимались как незначительный, но политически необходимый пункт двухсторонних международных соглашений и программ сотрудничества. Академические институты оставались в основном в роли пассивных партнеров этих программ.

Холодная война и политизация интернационализации

Высшее образование наравне с культурной и интеллектуальной жизнью в целом стало фронтом идеологической борьбы во время холодной войны. Эра «доброжелательных отношений» продлилась недолго, и уже в 1946 году началось противостояние Запада и социалистического блока, которое продлилось вплоть до падения Берлинской стены в 1989 году. Неотъемлемой частью холодной войны стало идеологическое и силовое давление, сопровождавшееся противостоянием коммунизма и капитализма и политической борьбой крупнейших мировых держав.

Под влиянием холодной войны идеология стала более значимым фактором влияния на развитие интернационализации высшего образования, чем идеалистический подход, причем особую актуальность она имела в отношениях между США и СССР. Европу это затронуло в гораздо меньшей степени, т.к. для европейских стран основной площадкой взаимодействия и борьбы оставался развивающийся мир: бывшие колонии по-прежнему находились под влиянием западных идей и моделей высшего образования, они зависели от языков бывших метрополий (в первую очередь английского) и от помощи с их стороны. Другими словами, развитие международного взаимодействия в высшем образовании того времени было во многом связано с гегемонией идей неокOLONIALИЗМА и западного высшего образования. СССР также стремился расширить зону своего влияния. Железный занавес, отделивший Восточную и Центральную Европу от Западной, предотвращал все попытки развития сотрудничества в области высшего образования, кроме самых элементарных.

Лишь в 1970-х годах, когда Западная Европа восстанавливалась после Второй мировой войны и инициировала интеграционные процессы, начали появляться

новые формы академической кооперации и обмена, нацеленные на укрепление взаимодействия в странах формирующегося Европейского союза. Небольшое улучшение отношений между Западом и Востоком в это время в определенной степени способствовало началу академического обмена.

Международная политика в области высшего образования как со стороны Запада, так и со стороны СССР была напрямую связана с приоритетами холодной войны. Бывшие крупные колониальные державы — Великобритания, Франция и отчасти Нидерланды — стремились закрепить свое влияние на бывших зависимых территориях путем развития целого ряда стипендиальных программ, программ поддержки местных университетов или иными способами. В этом они также напрямую соревновались с Советским Союзом.

США как основной противник СССР в холодной войне разработали ряд разветвленных и масштабных образовательных инициатив, основанных на принципах «мягкой силы», таких как открытая в 1946 году Программа Фулбрайта, Акт об образовании для национальной обороны 1958 года (его принятие стало ответной реакцией на запуск Советским Союзом годом ранее «Спутника-1»), Раздел IV Закона о высшем образовании 1960 года, который был направлен на поддержку программ региональных и международных исследований, а также преподавания иностранных языков. Многие программы академического сотрудничества появились благодаря финансовой поддержке американского Агентства по международному развитию и помогли университетам США наладить взаимодействие с вузами развивающихся стран. Все эти инициативы должны рассматриваться в контексте стремления США выиграть холодную войну с Советским Союзом благодаря приобретению лидирующих позиций в странах, не принадлежащих к коммунистическому блоку.

После холодной войны: развитие международного взаимодействия и обмена

В 1980-х годах стали заметны первые признаки развития взаимодействия между учеными из Восточной Европы и их коллегами из Западной Европы и США. Тем не менее вопрос международного сотрудничества оставался политическим, и отдельные люди или организации практически не могли на него влиять. В конце 1980-х, после падения железного занавеса, в высшем образовании начался значительный рост международного взаимодействия. Правительства отдельных стран и Европейская комиссия разработали программы, нацеленные на повышение качества высшего образования и стимулирование международного взаимодействия и обменов. Так, Программа Европейского союза по трансъевропейской мобильности в области университетского образования (TEMPUS), изначально разработанная для Польши и Венгрии

в 1990 году, со временем распространилась на многие другие страны Восточной и Западной Европы. Другой значимый пример национальных инициатив — программа австрийского правительства СЕЕPUS (Центрально-европейская программа университетского обмена). Эти инициативы сформировали условия не только для включения этих стран в существовавшие ранее рамочные программы Европейского союза по развитию научных исследований и технологий и программу Erasmus, но и позволили оценить, насколько эти страны готовы к интеграции в ЕС. Без сомнения, многочисленные европейские программы поддержки научно-образовательного обмена и сотрудничества внутри и вне ЕС были связаны с реализацией определенных политических и экономических целей Европейского союза.

Следует ли ожидать нового витка деевропеизации и национализации высшего образования в Европе...

Международное высшее образование и политика

Следует ли ожидать нового витка деевропеизации и национализации высшего образования в Европе в свете усиления критики евроинтеграции и популистских националистических движений, а также в связи с ростом напряженности между Россией и США?

В XX веке политическая и идеологическая повестка доминировала во всем мире. Академическое взаимодействие довольно часто, в том числе в период холодной войны, оставалось единственной формой сотрудничества между странами, причем такое сотрудничество всячески поощрялось как способ развития новых контактов. Это урок, который нам стоит запомнить. Сейчас международное высшее образование значительно отличается от того, что было раньше, тем более во времена холодной войны. Оно существенно расширилось под влиянием политических и научных сил из других регионов мира, в первую очередь Азии. Несмотря на то что международное взаимодействие и обмен не являются гарантией мира и взаимопонимания, они продолжают оставаться ключевыми механизмами поддержания атмосферы открытости и активного диалога между странами. Повлияет ли рост глобальных конфликтов (основанных на религиозном фундаментализме, подъеме национализма и других проблемах) на международное высшее образование и достигнутые в последние годы успехи в этой области?

.....

Перспективы глобальных университетских объединений

Робин Мидлхёрст

Робин Мидлхёрст — профессор Кингстонского университета, Лондон, Великобритания. E-mail: r.middlehurst@kingston.ac.uk

На протяжении веков высшее образование оставалось сферой международного общения, ученые стремились обмениваться идеями и приобретать новые знания. Однако в наше время взаимодействие представителей научного сообщества вышло на совершенно новый уровень, что отчасти обусловлено большими возможностями физического передвижения и виртуального взаимодействия, но не полностью объясняется ими. Крис Олдс, профессор Висконсинского университета в Мэдисоне, рассуждая о, «казалось бы, бесконечных дебрях всевозможных ассоциаций, сетей, консорциумов и объединений», говорит о том, что в настоящее время мы можем наблюдать процесс денационализации высшего образования, поскольку вузы пересматривают свою структуру, стратегию и задачи и выходят за пределы национальных рамок. Тем не менее анализ ключевых моментов истории интернационализации с конца XIX по начало XXI века показывает, что интернационализация путем денационализации, как правило, не срабатывает (или срабатывает, но лишь ненадолго). Таким образом, встает вопрос о том, почему при том, что количество международных объединений становится все больше, стремления вузов выйти за национальные рамки обречены на провал?

Историческое исследование, проведенное совместно учеными из университетов Европы, Азии, Австралии, а также Северной и Южной Америки в рамках Всемирной университетской сети (Worldwide University Network), показало, что развитие международных консорциумов и сетей было вызвано масштабными историческими и структурными изменениями в области высшего образования. Университеты стремились объединить усилия ради достижения новых целей и решения новых задач «в постоянно расширяющемся масштабе». Этот процесс начался на фоне нестабильного финансирования и спада количества абитуриентов, поскольку эти показатели напрямую зависят от экономических взлетов и падений. Одновременно с этим появились новые виды транспорта и новые средства связи, которые способствовали росту мобильности студентов, ученых и знания в целом; вырос спрос на прикладные исследования, технические знания и коммерческие инновации; вместе со сменой политических режимов менялась и идеология. Все это по-прежнему влияет на развитие международных объединений, но появились и другие факторы.

Растущее конкурентное давление заставляет вузы и страны стремиться к повышению конкурентоспособности через развитие сотрудничества. Стремление к «международному престижу» и получению статуса «университета мирового класса» влечет за собой повышенное внимание к положению в рейтингах, продвижению бренда и повышению репутации. В XXI веке в условиях вездесущности могущественных СМИ эти тенденции поддерживаются стремительно развивающимися новыми социальными и мобильными технологиями и становятся определяющими. Считается, что совместная работа вместе с кем-то успешным, хорошо обеспеченным или влиятельным ведет к появлению добавленной стоимости как с точки зрения репутации, так и с точки зрения конечного продукта. Приглашение вступить в какую-нибудь привилегированную организацию (например, Лигу европейских исследовательских университетов, или Universitas 21) — показатель признания и знака качества в глобальной научной иерархии. Для других университетов, которые ищут себе достойных партнеров, членство в подобных организациях является значимым фактором оценки и помогает ориентироваться на перегруженном рынке научных объединений.

Разнообразие международных объединений

Международные образовательные ассоциации объединяют не только университеты; за счет привлечения новых партнеров из других отраслей они приобретают совершенно иные рычаги влияния, позволяющие получать выгоду всем заинтересованным сторонам: бизнесу, гражданам и университетам. Одним из примеров объединения существовавших ранее отдельно организаций является инновационная система Triple Helix («Тройная спираль»), участники которой занимаются разработкой новых промышленных продуктов, созданием и распространением научного знания, а также принимают участие в формировании государственной политики. Такой подход позволяет организационно совмещать различные структуры и их подходы к производству нового знания, а также способствует появлению новых товаров и услуг. Строительство нового Эресуннского моста, соединяющего Данию со Швецией, привело к созданию Эресуннской университетской сети, что открыло новые направления научных исследований и новые образовательные возможности. Изначально в эту сеть входило 11 университетов, но со временем остались лишь те, кому членство приносило наибольшую выгоду. Новые формы культурного обмена между английским Бирмингемом и американским Чикаго предполагают взаимодействие музеев, театров, художественных галерей и университетов и укрепляют исторически сложившиеся отношения городов-побратимов. Представители бизнеса также выступают инициаторами появления новых университетских объединений. Так, банк «Сантандер» создал Глобальное универси-

тетское бюро «Сантандер», в задачи которого входит поддержка высшего образования как инструмента «общественного развития и процветания». Эта сеть включает уже тысячу университетов из 17 стран, и банк финансирует реализацию исследовательских проектов, программы академической мобильности, выделяет стипендии студентам. Международные организации помогают сетям объединять ресурсы, необходимые для решения неотложных задач развития общества. Сеть ЮНИТВИН, объединяющая кафедры ЮНЕСКО, — программа, в которую входит 650 вузов из 24 стран, — «представляет собой группы исследовательских центров, которые укрепляют связи между научным миром, гражданским обществом, местными сообществами и политиками».

Тематические объединения

Вузы объединяются и взаимодействуют в сетях, деятельность которых сфокусирована на определенных направлениях, для того чтобы обмениваться информацией и опытом, оценивать качество своей работы, получать новое знание в рамках совместных исследовательских и образовательных программ, расширять академическую мобильность, оптимизировать ресурсы, повышать конкурентоспособность и продвигать свои услуги. К тематическим сетям относятся: UNICA (объединение 46 университетов, расположенных в столицах 35 европейских государств), UArctic (объединение университетов, колледжей, исследовательских центров и других организаций 10 стран, занимающихся наукой и образованием в области арктических исследований), UASNet (сеть университетов прикладных наук из 9 стран) и Азиатская ассоциация открытых университетов, деятельность которой сконцентрирована на дистанционном образовании. Общие ценности тоже могут стать объединяющим фактором. Так, например, участники сети «Таллуар», куда входит 320 вузов из 72 стран, ставят своей целью развитие социальной ответственности университетов и укрепление их роли в развитии гражданского общества. Международная университетская сеть по вопросам устойчивого развития (International Sustainable Campus Network), объединяющая 67 вузов с пяти континентов, направляет свои усилия на разработку

**Вузы объединяются
и взаимодействуют
в сетях, деятельность
которых сфокусирована
на определенных
направлениях...**

подходов к устойчивому управлению кампусом, исследовательской и преподавательской деятельностью. Глобальная сеть «Ученые в опасности» включает университеты, научные ассоциации и другие профессиональные сообщества с целью объединения усилий для защиты академических свобод, автономии вузов и отстаивания других ценностей высшего образования.

Жизнеспособность

Некоторые из существующих объединений совсем новые, другие появились несколько десятилетий назад; одни прошли процесс обновления, как, например, Эресуннская сеть, другие совсем исчезли, как консорциум «Шотландское знание», объединявший 11 университетов, заинтересованных в развитии онлайн-образования. Исторический опыт позволяет с уверенностью утверждать, что преуменьшение или игнорирование роли культурных, политических или интеллектуальных различий неизбежно ведет к провалу, особенно если в стремлении к установлению новых международных контактов организации не придают значения национальным факторам. Другой урок состоит в том, что все участники одного объединения должны быть заинтересованы в благах, которые оно несет, и при этом сохранять доверительные отношения и продолжать вкладывать ресурсы и силы для его поддержания. Таким образом, залогом жизнеспособности глобальных объединений является уважительное и эффективное взаимодействие всех их участников.

Ведут ли совместные образовательные программы и программы двойных дипломов к обесцениванию образования?

Джейн Найт

Джейн Найт — лектор Института образовательных исследований провинции Онтарио, Университет Торонто, Канада. E-mail: janeknight@sympatico.ca.

За последние пять лет стремительно возросло количество международных программ двойных (или нескольких) дипломов, а также появилось значительное разнообразие подходов к их форматам. Согласно докладу об интернационализации высшего образования за 2014 год, подготовленному Международной ассоциацией университетов, за предшествующие три

года на 50% возросло количество программ двойных дипломов в области права, медицины, инженерного дела, педагогики и бизнес-образования, на 19% — в сфере естественных наук, на 14% — в сфере социальных наук. Эти цифры ориентировочные и не учитывают ситуацию на других континентах, особенно в Азии и Европе, однако они ясно демонстрируют рост распространенности и популярности программ двойных дипломов среди студентов.

Различия между образовательными программами

Для начала важно разобраться в том, что подразумевается под программой двойных (нескольких) дипломов. Существуют различные подходы к определению этого понятия, которые часто приводят к терминологической путанице. Международная программа двойных (или нескольких) дипломов — это образовательная программа, которая разрабатывается и реализуется при участии двух или более вузов из разных стран. Обычно по результатам обучения выпускникам присваивается квалификация каждого из университетов, который участвует в этой программе. Программа двойных дипломов отличается от совместной образовательной программы или программы, реализуемой под совместным научным руководством (co-tutelle). По завершении совместной образовательной программы студент получает единый диплом, выданный двумя или более вузами-партнерами, а co-tutelle — это образовательная программа, которую разрабатывают и реализуют несколько вузов, но по ее результатам студент получает лишь диплом того вуза, в который он зачислен. В данной работе мы, признавая равное значение всех трех описанных выше форматов, сосредотачиваем внимание на программах двойных (нескольких) дипломов.

Двойной учет образовательных кредитов при реализации программ двух или более дипломов

Развитие программ двойных дипломов является одной из стратегий интернационализации, непосредственно затрагивающих основные сферы деятельности вузов — преподавание/обучение и научную работу в разных странах. Подобные программы строятся исходя из принципов международного академического сотрудничества и приносят значимые дополнительные преимущества, получаемые как студентами и преподавателями, так и национальными и региональными образовательными системами. Интерес к программам двойных дипломов постоянно растет, но в то же время растут и претензии к тем программам, которые устроены таким образом, что полученные студентами одни и те же образовательные кредиты учитываются одновременно для получения двух или более дипломов.

Различие оценочного отношения к программам двойных дипломов связано с различием моделей самих программ, появлением новых, иногда более,

---

Международная программа двойных (или нескольких) дипломов — это образовательная программа, которая разрабатывается и реализуется при участии двух или более вузов из разных стран.

а иногда и менее добросовестных провайдеров, неопределенностью в области обеспечения качества присваиваемых квалификаций и его контроля и, наконец, этическими вопросами, связанными с подходами к определению объема учебной нагрузки и требований к получению двойного диплома. Многие представители академического сообщества одобряют программы двойных дипломов, рассматривая их как естественное продолжение программ академической мобильности. Другие, наоборот, считают, что программы двойных дипломов ведут к двойному учету учебной нагрузки, ставя, таким образом, под сомнение качество выдаваемых дипломов и приближаясь к тонкой черте академического мошенничества.

Привлекательность для студентов

Программы двойных дипломов привлекают студентов по разным причинам. Одни считают, что обучение на программе, предполагающей получение дипломов нескольких вузов, расположенных в разных странах, увеличивает их шансы на трудоустройство и открывает большие карьерные возможности. Другие полагают, что программы двойных дипломов более качественные, т.к. они объединяют экспертный потенциал двух или более университетов. Третьи не очень задумываются о качестве, но их привлекает возможность получить «два диплома по цене одного». К тому же студенты утверждают, что в совокупности обучение на программе двойных дипломов требует меньше усилий, времени и финансовых затрат, чем обучение по двум отдельным программам. Этот аргумент не всегда верен, но в подобных рассуждениях есть доля истины.

Сегодня даже традиционные лицензированные программы (когда один вуз получает право реализовывать программу и выдавать диплом другого, иностранного вуза) превращаются в программы двойных дипломов: студенты получают одновременно диплом того вуза, который разработал программу, и того, где они непосредственно учатся, хотя при этом прослушивают курсы всего одной программы. При этом далеко не

все программы двойных дипломов предполагают студенческую мобильность, так как отправка за рубеж преподавателей намного экономичнее, чем отправка студентов, и кроме того, набирает популярность онлайн-преподавание. Наконец, нельзя забывать о статусности. Существует уверенность в элитарности владения дипломами вузов разных стран, даже если студент при этом по факту не обучался за рубежом.

Точка зрения университетов: за и против

С академической точки зрения программы двойных дипломов выгодны университетам, т.к. они способствуют обновлению учебных планов и развивают академический обмен, а возможность доступа к экспертному знанию и связям вузов-партнеров делает их особенно привлекательными. Другая важная задача, решению которой помогают эти программы, — повышение репутации университета и его позиций в международных рейтингах. Для этого они целенаправленно ищут партнерства с университетами такого же или более высокого уровня. Интересно, что некоторые вузы предпочитают работать с более престижными партнерами, для того чтобы избежать необходимости прохождения аккредитации в своей стране. Другим вузам наличие программ двойных дипломов помогает улучшить статистику численности выпускников и процента отсева.

Однако несмотря на разнообразные преимущества программы двойных дипломов несут за собой и ряд трудностей. Различия законодательства, академического календаря, систем контроля качества образования, процедур аккредитации, принципов начисления кредитов, подходов к оплате обучения и выделению стипендий, методологии преподавания, вступительных и экзаменационных требований, языков преподавания, требований к руководству научной работой студентов — вот лишь некоторые вопросы, которые должны решить университеты, планирующие открыть программу двойных дипломов.

...перед мировым образовательным сообществом стоит задача выработки единого понимания того, что же представляют собой программы двойных дипломов...

Насущные вопросы

Проведенный мною анализ программ двойных дипломов, предлагаемых рядом канадских университетов, показывает, что единой модели их реализации не существует да и не может существовать в силу огромных различий в условиях, в которых они работают. Однако с появлением новых программ двойных (нескольких) дипломов возникают новые важные вопросы. Например, какой должна быть аккредитация таких программ: национальной, двунациональной, региональной или международной? Может ли одна диссертация удовлетворять требованиям двух различных магистерских программ с глубоким исследовательским компонентом? Правда ли, что распространение совместных международных образовательных программ ведет к чрезмерному использованию английского языка и стандартизации учебных планов? Окажется ли качество таких программ под угрозой в результате стремления вузов повысить свой статус и престиж? Жизнеспособны ли такие программы в условиях отсутствия дополнительного финансирования, внешнего или внутреннего?

На кону легитимность и репутация диплома

Сейчас перед мировым образовательным сообществом стоит задача выработки единого понимания того, что же представляют собой программы двойных дипломов, каковы их требования и чем они отличаются от совместных образовательных программ. Последние представляют собой интересную альтернативу первым, однако их реализация связана с рядом юридических и бюрократических проблем, т.к. во многих странах выдача совместных дипломов с другими вузами невозможна. Для того чтобы международные программы двойных дипломов получили признание и уважение среди студентов, вузов и работодателей по всему миру и не обесценились, необходимо внимательно отнестись к вопросам аккредитации таких программ и легитимности выдаваемых ими дипломов.

.....

США впереди планеты всей? Не в вопросах интернационализации

Мадлен Ф. Грин

Мадлен Ф. Грин — старший научный сотрудник Международной ассоциации университетов и ассоциации по поддержке международных студентов NAFSA.

Полная версия данной статьи была опубликована в бюллетене Trends and Insights — электронном издании NAFSA. E-mail: madeleinefgreen@gmail.com.

Американцы считают свою систему высшего образования «самой лучшей в мире». Это убеждение основано на лидирующих результатах американской науки, хотя другие страны неуклонно сокращают этот разрыв. Могут ли США претендовать на лидирующие позиции в вопросах интернационализации образования? Результаты 4-го Международного исследования интернационализации высшего образования, проведенного Международной ассоциацией университетов (IAU), в ходе которого США сравниваются с другими странами, позволяют предположить, что, скорее всего, ответ на этот вопрос будет отрицательным.

Опрос IAU

В 2013 году IAU проводила опрос, на который откликнулись представители 1336 вузов со всего мира (доля ответивших составила примерно 20%), 209 из которых расположены в США (доля ответивших составила около 14%). Из соображений сопоставимости американской и неамериканской подвыборки из итогового анализа были исключены двухгодичные муниципальные колледжи (community colleges). 49% американских вузов, принявших участие в исследовании, имеют право на реализацию PhD-программ, 26% — магистерских программ и 25% — только бакалаврских. Почти 55% ответивших представляли частные некоммерческие вузы, 3% — частные коммерческие, 42% — государственные. В общей сложности 66% всех вузов, принявших участие в исследовании, реализуют PhD-программы.

В итоговом отчете по результатам исследования содержатся наблюдения как глобального, так и регионального характера, а также анализируются изменения по сравнению с результатами опросов предыдущих лет. При региональном анализе к североамериканскому региону были отнесены США и Канада. В общей сложности этот регион был представлен 253 университетами.

В данной статье содержатся обобщенные результаты анализа ответов респондентов на вопросы об институциональном отношении к интернационализации, включая отношение руководства, наличие стратегии интернационализации и инфраструктурной поддержки. В ней также рассмотрены интересы США в части развития международного сотрудничества с университетами из других регионов, а также регионы, вузы которых в наибольшей степени заинтересованы в работе с американскими университетами.

Стратегия интернационализации

Несмотря на то что в миссиях и стратегиях развития подавляющего большинства американских вузов есть упоминание об интернационализации, американские респонденты говорили о ней реже, чем респонденты из других стран (в 86% случаев против 92% по выборке в целом). Кроме того, представители американских университетов реже упоминали о наличии в вузе стратегии интернационализации (43% против 53% по выборке в целом). Доля американских респондентов, которые отметили, что в их вузе был подготовлен план мероприятий по реализации стратегии интернационализации, оказалась примерно на мировом уровне (22% против 23% по выборке в целом). Интересно, что из всех регионов наибольшая доля университетов, имеющих стратегии интернационализации, оказалась в Европе (61%).

Отдельно отметим, что количество университетов США, у которых вообще нет никакой стратегии интернационализации (15%), в два раза больше, чем количество таких университетов по выборке в целом (7,5%).

Некоторые вузы предпочитают включать интернационализацию в качестве одной из задач общего плана развития и не выделять стратегию интернационализации в отдельный документ. Доля американских университетов, выбравших такой подход, чуть ниже, чем в целом по выборке (16% против 19%).

Значимость интернационализации для университетских руководителей

Данные о наличии в вузе стратегии интернационализации соотносятся с уровнем оценки значимости интернационализации руководителями университетов. Интересно, что руководители американских вузов реже отмечают высокое значение интернационализации — 53% против 69% в целом по выборке. Кроме того, они более чем в два раза чаще отмечали, что интернационализация не имеет особого значения, — 11% против 5% по выборке в целом.

Стратегии интернационализации и инфраструктурная поддержка

Еще одним показателем оценки заинтересованности вуза в интернационализации является наличие инфраструктурной поддержки. В американских вузах

чаще, чем в других участвовавших в исследовании университетах, было отмечено отсутствие таких типовых инфраструктурных механизмов интернационализации, как специально выделенное подразделение и бюджет, оценка и мониторинг происходящих процессов, четкие цели и ориентиры. К тому же американские вузы вообще реже включают международное измерение в стратегию университета.

Несмотря на то что в миссиях и стратегиях развития подавляющего большинства американских вузов есть упоминание об интернационализации, американские респонденты говорили о ней реже, чем респонденты из других стран (в 86% случаев против 92% по выборке в целом).

Географически приоритетные направления интернационализации

Стратегия интернационализации все чаще привязку к определенным географическим регионам. Чуть более половины американских университетов (52%) указали, что у них есть определенные географические предпочтения в международном сотрудничестве (по сравнению с 60% в среднем по выборке). Чаще всего четко зафиксированные географические приоритеты встречаются у европейских вузов (66% респондентов), реже всего — у африканских (44%).

Проведенное исследование показало, что сотрудничество с североамериканским регионом не является приоритетным для большинства других регионов. Важным результатом исследования стало понимание того, что для вузов Африки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона самым приоритетным является выстраивание отношений с университетами, расположенными в их регионе. Вузы Латинской Америки, Ближнего Востока и стран Карибского бассейна наиболее заинтересованы в партнерстве с европейскими университетами, хотя стоит отметить, что для латиноамериканских и карибских вузов Европа и Северная Америка оказались одинаково привлекательны. Таким образом, это были единственные два региона,

поставившие Северную Америку на первое место с точки зрения приоритетности данного направления. Для ближневосточных вузов Северная Америка стала вторым по приоритетности регионом, для африканских, азиатских и европейских — третьим.

Почти половина американских респондентов отметила Азиатско-Тихоокеанский регион в качестве одного из трех основных наиболее привлекательных направлений (34% респондентов назвали его самым привлекательным, 11% — вторым по привлекательности, 4% — третьим). В целом же для американских респондентов на втором месте идет Латинская Америка и страны Карибского бассейна (38% респондентов отметили этот регион в качестве одного из трех приоритетных, при этом 7% поставили его на первое место, 17% — на второе, 14% — на третье).

Азиатско-Тихоокеанский регион — приоритетный регион для рекрутинга иностранных студентов для североамериканских вузов, Латинская Америка и Карибский бассейн — второй, а Ближний Восток — третий. Однако ни в одном из регионов респонденты, говоря о привлечении иностранных студентов, не указали Северную Америку в качестве основного направления работы.

Заключение

Международное исследование, проведенное IAU, показывает, что, в отличие от иностранных вузов, американские университеты не выделяют интернационализацию в качестве значимого приоритета. У них реже уже есть или находится в разработке стратегия интернационализации, а их руководители реже придают ей большое значение. Что касается инфраструктурной поддержки, то американские университеты часто отстают, в том числе в вопросах наличия специальных отделов, выделенного бюджета, оценки и мониторинга происходящих процессов, четких целей или ориентиров.

Еще одна новость, которая должна отрезвить американцев, состоит в том, что относительная привлекательность североамериканских вузов для других регионов не очень высока. Когда университеты ищут международных партнеров за пределами своих регионов, Северная Америка, как правило, не является первым выбором. Для всех регионов, за исключением североамериканского, первым и даже вторым выбором для развития международного сотрудничества является Европа.

Результаты проведенного исследования развенчивают сложившийся в США миф о глобальном лидерстве страны в области интернационализации высшего образования. Вузы и правительства многих стран уделяют все больше внимания практикам и стратегиям интернационализации. Смогут ли США отразить этот вызов?

.....

Уникальная ниша частного высшего образования в Новой Зеландии

Малкольм Аббот

Малкольм Аббот — доцент Свинбёрнского технологического университета (Мельбурн, Австралия), старший научный сотрудник PROPHE (Программы по исследованию частного высшего образования), которую координирует Университет Олбани (Университет штата Нью-Йорк). E-mail: mabbott@swin.edu.au.

В нашем бюллетене регулярно публикуются статьи на темы, связанные с частным высшим образованием, подготовленные в рамках программы PROPHE. См. <http://www.albany.edu/dept/eaps/prophe/>.

В большинстве развитых стран существует крепкая, давно сложившаяся система государственных вузов. Как правило, эти университеты хорошо финансируются, получают субсидии на оплату обучения студентов и обладают высокой репутацией. Таким образом, у частных вузов остается мало возможностей для развития. Такая ситуация характерна и для Новой Зеландии, ядро образовательной системы которой составляют государственные университеты и политехнические институты. Несмотря на это в последние 25 лет у частных провайдеров высшего образования была юридическая возможность реализовывать образовательные программы. За это время частные вузы приобрели определенные характеристики, которые принципиально отличают их от государственных. Это означает, что частные вузы занимают небольшую нишу, но при этом играют значимую роль в новозеландской системе высшего образования. В 2013 году в стране было 265 362 студента-очника, причем 38 964 из них (14,7%) учились в частных вузах (данные Министерства образования Новой Зеландии).

Для появления сектора частного высшего образования необходимо было создать правовые условия, допускающие его существование. До 1989 года реализовывать программы высшего образования и выдавать дипломы могли только государственные организации. Новый закон об образовании 1989 года разрешил частным организациям реализовывать программы высшего образования и выдавать дипломы. Существовавшее ранее Управление образования было преобразовано в Новозеландское квалификационное агентство, перед которым была поставлена задача аккредитации образовательных программ, предлагаемых государственными и частными университетами и политехническими институтами.

Узкая ниша частного образования

В 1990-х годах правившая в стране Национальная партия Новой Зеландии поддерживала развитие частных вузов путем выделения субсидий на оплату обучения. В то время правительство считало, что частные вузы должны напрямую конкурировать с государственными как за абитуриентов, так и за финансирование. После прихода к власти Лейбористской партии в 1999 году ситуация изменилась. Начиная с 2001 года количество бюджетных мест в частных вузах постепенно начало снижаться. Подход нового правительства состоял в том, что частные вузы стоит поддерживать лишь в том случае, если они удовлетворяют те потребности, которые не могут быть в должной степени удовлетворены государственными университетами. Возвращение к власти Национальной партии в 2008 году сопровождалось ожиданиями того, что она снимет введенные ранее ограничения для частных вузов и повысит выделяемое им финансирование. Однако этого не произошло, что отчасти было связано с мировым финансовым кризисом, а отчасти с тем, что Национальная партия стала разделять скептицизм своих предшественников-лейбористов в отношении частного сектора.

Такая ситуация характерна и для Новой Зеландии, ядро образовательной системы которой составляют государственные университеты и политехнические институты.

В 2013 году в Новой Зеландии было зарегистрировано более 300 частных вузов и всего 8 государственных университетов, 18 государственных политехнических институтов и 3 учебных заведения «вананга» (институты, изучающие культуру маори — коренного населения страны). Частные вузы обычно меньше размером, более специализированны и концентрируются на образовательных программах в выбранных нишах. Как и в других странах, многие новозеландские частные вузы предлагают образование в области бизнеса и информационных технологий, а также реализуют программы, ориентированные на культуру и искусство, креативные индустрии и педагогическое образование. Узкая специализация частных вузов, с одной стороны, обусловлена их небольшим размером, а с другой — развитостью и разнообразием

программ государственных вузов. Другим аспектом, обуславливающим развитие частного сектора, является то, что государственные университеты в большей степени ориентированы на реализацию образовательных программ, ведущих к получению диплома (бакалаврских и магистерских), а частные вузы заняли нишу прикладного бакалавриата, по результатам которого студенты получают просто документ о завершении образования. В частных университетах на программах прикладного бакалавриата обучается 35% от общего числа новозеландских студентов и всего 3% из числа студентов, обучающихся на программах, ведущих к получению диплома.

Тем не менее у истории с частным высшим образованием в Новой Зеландии есть и другая сторона. Изменения в государственном образовательном секторе открывают новые возможности для развития частных инициатив. Государственные политехнические институты стали массово отходить от традиционного профессионально-технического образования и разрабатывать новые полноценные бакалаврские программы. Это происходит в рамках хорошо известной концепции академического сдвига. Этот процесс, понятный с точки зрения академических амбиций, статуса и соображений престижа, ведет к размыванию различий между двумя типами технического образования. Однако нестыковки, имеющие место в государственном образовании, дают частным вузам возможность встроиться в образовавшийся разрыв. Если запросы общества на техническое образование не будут удовлетворены в государственных университетах, это может привести к тому, что эти функции начнут выполнять частные вузы.

В некоторых странах развитие частных вузов позволило создать возможности для получения высшего образования представителями меньшинств и неблагополучных слоев населения, которые раньше не имели к нему доступа. Это особенно верно для образовательных предложений неуниверситетского уровня. Действительно, в частных вузах гораздо больше студентов-маори, а также представителей народов Океании, то есть некоторые частные вузы ориентированы именно на эти группы населения. Однако и здесь действуют определенные ограничения ввиду наличия специальных маори-институтов.

В целом можно сказать, что частные вузы в Новой Зеландии по-прежнему занимают узкоспециализированную нишу. Это небольшие вузы, которые дают в основном профессионально-техническое, прикладное образование. Иными словами, у них есть вполне понятные функции, определенные законодательством и естественным ходом истории, которые, с одной стороны, выделяют их в отдельный значимый сектор, а с другой — не позволяют им поставить под сомнение лидирующую роль и статус государственных вузов. Частные вузы, как правило, быстрее реагируют на рыночные изменения и соответствующим образом подстраивают свои образовательные программы под

новые требования. Государственные вузы либо не хотят этого делать, либо просто слишком неповоротливы. Таким образом, частные вузы в Новой Зеландии заняли важную нишу, которая существует и в других развитых государствах со зрелой и устоявшейся системой высшего образования, особенно в странах Содружества наций.

Частное высшее образование в Индии: решение или проблема?

Кришнапратап Б. Повар

Кришнапратап Б. Повар — бывший генеральный секретарь Ассоциации индийских университетов, почетный ректор Университета им. д-ра Д. Я. Патила, Пуна, Индия. E-mail: kbpowar@gmail.com.

Индию часто описывают как многоликую страну с невероятным количеством самых разнообразных вузов. Все вузы, имеющие право выдавать степень не ниже бакалавра, делятся на пять типов: вузы национального значения; центральные университеты; региональные государственные университеты (университеты штатов); региональные частные университеты; «условно университеты» (deemed universities). Они различаются по типу устройства, источникам финансирования и даже функционируют по-разному, так как по-разному распределяют акценты между исследовательской и преподавательской деятельностью. Создание университетов первых двух типов утверждается парламентским актом, третьего и четвертого — актом законодательного собрания штата, а «условно университет» — статус, выдаваемый Министерством по развитию человеческих ресурсов Индии в соответствии с разделом 3 Закона о работе комиссии по распределению университетских грантов (UGC) от 1956 года. Первые три типа вузов — государственные, последние два — самофинансируемые (т.е. частные).

Роль частного сектора

В 2006 году Национальная научная комиссия в отчете, подготовленном для премьер-министра, подчеркнула необходимость создания 50 новых национальных университетов и общего увеличения числа вузов в стране с примерно 360 до 1500 к 2015 году. В академических кругах эти предложения сочли нереализуемыми с точки зрения привлечения огромных финансовых и человеческих ресурсов. У центрального правительства и правительств штатов просто нет соответствующих ресурсов. Значит, источником финансовых средств должен стать частный сектор.

Основное препятствие для частных организаций заключается в том, что по закону образование является некоммерческой сферой деятельности. Решением Верховного суда Индии вузы имеют право получать «разумного размера» прибыль путем взимания платы за обучение или другие услуги, однако понятие «разумный размер» не определено. Более того, обязательным условием является реинвестирование полученных доходов в развитие вуза. Для практических, но честных предпринимателей подобная схема не имеет смысла, за исключением ситуации, когда они инвестируют деньги в рамках обязательных расходов на программы корпоративной социальной ответственности.

Национальная научная комиссия с уважением отнеслась к этой проблеме и рекомендовала рассматривать эти расходы как благотворительные пожертвования, что позволит восстановить схему финансирования высшего образования в Индии, существовавшую в конце XIX — начале XX века и позволившую заложить основы современной системы высшего образования. Авторы доклада подчеркивают, что система должна быть устроена таким образом, чтобы в ней были заинтересованы и доноры, и вузы. Нынешнее налоговое и трастовое законодательство служит только антистимулом, а значит, требует изменений. Кроме того, индийская система высшего образования жестко регламентирована и подчиняется различным государственным регулирующим органам, которые оказывают влияние даже на повседневную деятельность вузов. В целом система слишком зарегулирована и при этом малоуправляема. К сожалению, правительство пока не приняло никаких мер для изменения ситуации.

Поддержка частных инициатив

Скептицизм в отношении образования разделяют далеко не все бизнесмены. Многие, особенно те, кто не боится нарушать правила и давать на лапу, рассматривают высшее профессионально-техническое образование как отличную возможность заработка. Правительство еще в 1995 году пыталось привлечь частных инвесторов в высшее образование путем внесения законопроекта о частных университетах. Однако эта инициатива не получила одобрения в парламенте, в результате чего в качестве альтернативы частным университетам получили распространение упомянутые выше «условно университеты». Статус «условно университета» впервые появился в 1958 году. Его присваивали организациям, имеющим глубокие традиции в науке и образовании. За период с 1958 по 2000 год этот статус получили всего 44 института. В 2000 году подход к присвоению статуса изменился, и в последующие годы его получили еще 42 организации, большинство из которых составляли самофинансируемые заведения профессионально-технического образования, а затем еще 55 вузов — опять же, преимущественно самофинансируемые. В настоящий момент в Индии насчитывается 129 «условно университетов», из которых 89 — частные.

В конце 2000-х годов Министерство по развитию человеческих ресурсов Индии пересмотрело практику массового присвоения статуса «условно университет» и в итоге вообще закрыло эту возможность для новых организаций. Кроме того, оно стало повышать требования к качеству преподавания и результатам научной работы в существующих вузах. При этом возможность участия частного сектора в высшем образовании расширилась за счет законодательных актов штатов, которые позволяют создавать региональные частные вузы. В большинстве штатов требования к подобным вузам очень низки, в результате чего их количество начало резко расти по всей стране. Сейчас на 21 штат и союзные территории приходится 189 региональных частных вузов, и их количество постоянно растет.

Основное препятствие для частных организаций заключается в том, что по закону образование является некоммерческой сферой деятельности.

Консенсуса относительно распространения частных вузов нет ни в академическом сообществе, ни в обществе. Кто-то рассматривает частные вузы как возможность повышения доступности относительно качественного высшего образования для представителей как минимум средних и высших слоев населения. А другие видят в них источник неравенства и коррупции.

Особенности частных вузов

В большинстве случаев частные вузы предлагают образование в таких областях, как инженерно-техническое дело, врачебное дело и другие медицинские специальности, менеджмент и педагогика. Обычно частные вузы превосходно оборудованы. Там работают опытные высококвалифицированные преподаватели: это связано с тем, что, в отличие от государственных вузов, где возраст выхода на пенсию может составлять 58, 60 или 62 года, преподаватели частных вузов имеют право работать вплоть до достижения 70 лет. Таким образом, хорошие преподаватели государственных вузов могут еще почти десятилетие работать в частном секторе.

Под давлением Министерства по развитию человеческих ресурсов «условно университеты» вынуждены уделять больше внимания развитию науки и публикациям в престижных журналах. Многие из них ведут

передовые исследования. По оценкам Национального аккредитационного совета, в двух третях частных «условно университетов» качество образования выше, чем в большинстве государственных вузов. Одновременно региональные частные вузы в основном сосредотачивают свои усилия на преподавании, и только некоторые из них прошли независимую оценку. К сожалению, качество образования во многих из них вызывает подозрения. Как и коммерческие американские вузы, региональные частные вузы Индии дают минимальные знания. Еще одна тревожная особенность состоит в том, что многие частные университеты зачисляют огромное количество аспирантов и при этом привлекают в качестве научных руководителей внешних специалистов, то есть становятся лжеуниверситетами, которые, по сути, просто в массовом порядке печатают дипломы.

Основная проблема частных вузов связана с тем, как устроена их система управления: через попечительские советы и доверительные фонды, которые контролируют все финансовые операции — от закупки канцтоваров до приобретения сложного оборудования. Они также имеют право голоса при найме преподавателей. Во многих университетах распространены коррупционные схемы приема студентов, хотя формально должны принимать тех, кто показал лучшие результаты на вступительных экзаменах. Все попытки правительства изменить систему приема и заставить вузы принимать студентов на основе результатов единого школьного выпускного экзамена, проваливались. На практике многие абитуриенты поступают, давая взятку кому-то из попечителей. Разумеется, эти деньги не попадают в университет. Плата за обучение довольно высока. Высококотирующиеся частные вузы просто не принимают молодых людей из семей со средними доходами. Частные вузы, будучи по закону некоммерческими организациями, на самом деле являются коммерческими. Для тех, у кого есть деньги, они действительно решают проблему доступа к высшему образованию. А для тех, у кого денег нет, они оказываются в роли социального зла, которое только способствует дальнейшему росту социально-экономического неравенства.

Качество научной работы в Великобритании становится все лучше и лучше?

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — профессор международного высшего образования в Институте образования Лондонского университета, Великобритания; соредактор журнала Higher Education. E-mail: S.Marginson@ioe.ac.uk.

Каждые пять лет правительство Великобритании проводит масштабную общенациональную аттестацию вузов, в рамках которой особое внимание уделяется оценке масштабов и качества научной работы. Раньше эта аттестация велась в рамках Программы оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях (REA), которая трансформировалась в Рамочную программу оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях (REF). Результаты первого цикла REF были опубликованы в декабре 2014 года.

Цели оценки качества научной деятельности

Программа REF ставит перед собой ряд задач, которые не всегда хорошо соотносятся друг с другом. Результаты этой работы используются при принятии решений о распределении финансирования между вузами, выделении приоритетных научных областей и поиске возможностей для наиболее эффективного использования государственного бюджета, предназначенного для исследований. Они влияют и на академический рынок труда, стимулируя исследователей переходить на работу в ведущие лаборатории и научные центры, а университеты — бороться за лучшие кадры. Программа также предназначена для повышения внимания к наиболее качественным результатам исследований (исследователи сами представляют для аттестации четыре лучшие публикации), а также для сопоставления уровня научной работы, ведущейся в Великобритании, с уровнем исследований, реализуемых в других странах, и одновременно продвижения результатов этих исследований в мире. Кроме того, подобный подход заставляет исследователей фокусироваться на социально-экономических результатах их работы, поскольку от университетов требуется презентовать эти результаты.

Любая система оценки качества научной работы только отчасти может служить индикатором ее реального качества и имеет двоякие результаты. С одной стороны, она основана на доступных объективных фактах и методах. С другой — она выделяет одни подходы,

виды деятельности и интересы в ущерб другим, так как ни один подход не может одинаково достоверно оценить все возможные показатели, а использует ограниченный набор выбранных методов, в результате чего наиболее опытные и статусные игроки извлекают из этой системы наибольшую выгоду.

Некоторые аспекты работы ученых, такие как индекс цитируемости в лидирующих журналах, проще представить в стандартизированном виде, а другие, например влияние на принятие значимых решений и развитие общества, — сложнее. К тому же сравнение дисциплин, вузов с разными миссиями, опытных и начинающих ученых, развития уже существующих идей и появления новых идей — очевидно неоднозначная задача.

Результаты программы REF отчасти получены под влиянием университетов, которые занимались отбором и моделированием данных, а отчасти под влиянием собственного мнения руководителей программы о том, что делает ту или иную научную работу выдающейся в мировом масштабе. Таким образом, итоговые результаты REF стоит рассматривать с определенной долей скептицизма.

Можно ли измерить влияние научной работы?

Такой показатель, как влияние научной работы, впервые появился в британской системе аттестации вузов в 2014 году и является наиболее подверженным манипуляциям. Отчасти это связано со сложностью измерения изменений, происходящих в обществе и экономико-политической сфере, особенно в долгосрочной перспективе. Это также связано с тем, что идея об измерении этого показателя в рамках REF повлекла за собой необходимость сбора нового типа данных, надежность которых вызывает сомнения. Появилась уже целая индустрия сбора таких данных, которые бы «свидетельствовали» о «наличии влияния» со стороны ученых на общественную жизнь. Иными словами, результаты REF опираются не на реальное влияние, а на какие-то искусственные расчеты.

Положительным результатом введения этого показателя можно считать то, что после начала сбора соответствующей информации люди наконец начали задумываться о связи между наукой и обществом. Отрицательным — то, что измерение «результатов» превратилось в пускание пыли в глаза и производство данных, которые имеют такое же отношение к реальности, как официальные отчеты советских заводов о выполнении плана. Вузы, которые в большей степени подкованы в подготовке всевозможных данных, представили хорошо составленные документы, подтверждающие влияние проведенных ими исследований. Можно предположить, что имеет место эффект ореола, и от организаций с хорошей репутацией ожидают заведомо хороших результатов.

Именно поэтому исследования, выполненные в Кембридже, имеют более высокие шансы быть замеченными широкой общественностью именно потому, что они были выполнены в Кембридже.

Измерение качества научной работы

REF измеряет качество работы вузов по четырехзвездочной системе, получая в результате два рейтинга: один — в зависимости от количества набранных вузом звездочек, другой — по перцентиллям. Эта оценка качества результатов была основана на экспертном заключении о результатах реальной работы. Однако нормированные значения показателей качества научной работы, тем более сравнительных показателей, являются предметом для особого рассмотрения.

Некоторые аспекты работы ученых, такие как индекс цитируемости в лидирующих журналах, проще представить в стандартизированном виде, а другие, например влияние на принятие значимых решений и развитие общества, — сложнее.

В период с 2008 по 2014 год доля британских вузов, признанных по итогам национальной аттестации «ведущими мировыми вузами» (т.е. получившими четыре звездочки) и «вузами высокого международного уровня» (три звездочки), заметно возросла. Многие университеты смогли обмануть систему благодаря избирательному подходу к подаваемым на аттестацию документам. Представляя данные только о самых лучших сотрудниках, они повысили свой итоговый средний балл и сдвинулись в сторону верхушки рейтинга. Университеты, выбирающие такую стратегию, платят довольно высокую цену в том смысле, что, отчитываясь не обо всех проведенных исследованиях, они занижают объем ведущейся научной работы и в результате получают меньше финансирования. Тем не менее это идет им на пользу с точки зрения репутации и в долгосрочной перспективе имеет ряд положительных последствий, в том числе финансовых.

В 2008 году четыре звездочки было присвоено 14% вузов, прошедших аттестацию, три — 37%, то есть 51% оцененных вузов были отнесены к двум ведущим

категориям. Шесть лет спустя, в 2014 году, доля университетов, работа которых была оценена на аналогичном уровне, составила 72%, в том числе 22% вузов получили по четыре звездочки и 50% — по три. Этот феноменальный прогресс происходил на фоне огромных бюджетных сокращений. Как пели «Битлз», «it's getting better all the time» — «становится все лучше и лучше». Но становится ли британская наука лучше на самом деле?

Безусловно, в некоторых областях в течение этого периода наблюдались определенные улучшения, но явно не в таком масштабе. Можно предположить, что полученные результаты сформировались под влиянием нескольких факторов. С одной стороны, университеты очевидным образом заинтересованы в максимальном повышении собственных показателей. С другой — представители дисциплинарных экспертных комиссий заинтересованы в том, чтобы результаты исследований по их дисциплине получили высокие оценки и заслужили мировое признание. В-третьих, Великобритания активно конкурирует с другими странами, особенно с США, за лучших аспирантов, за высокие позиции вузов в международных рейтингах и за источники дохода. Иными словами, британская система высшего образования только выигрывает, когда университеты «становятся все лучше и лучше».

Маркетинговая задача REF стала более значимой, чем задача оценки международной конкурентоспособности исследовательской деятельности британских вузов. Однако она не вытесняет другие функции REF, например влияние на распределение финансирования и на академический рынок труда, и способствует росту качества работы вузов, стимулируя конкуренцию. Однако стимуляция конкуренции в условиях низких требований ведет скорее к усилению состязательности между вузами, а не к достижению ими первоклассных результатов.

Для британских исследователей инфляция результатов аттестации является тревожным сигналом, демонстрирующим, что высшее образование Великобритании превратилось в уверенную в собственном превосходстве систему. Это не лучший подход для обеспечения долгосрочного развития. Меньшая спешивость и большая прагматичность в стиле китайского реализма сослужили бы британцам лучшую службу. Следующий раунд REF должен в большей степени учитывать мнение зарубежных коллег в оценке предметных достижений и уделять больше внимания тем направлениям, которые нуждаются в развитии.

Кроме того, необходимо, чтобы во время следующей оценки вузам было предъявлено требование подавать информацию обо всех исследователях, или по крайней мере следует ввести какие-то фиксированные требования — подавать информацию о 75% или о 90% сотрудников. Так как университеты использовали различные стратегии представления данных для мониторинга, REF сравнивала несопоставимые данные.

Это превращает REF в совершенно не валидный для рейтингования инструмент, хотя, с точки зрения общества, он воспринимается именно как рейтинг.

Для понимания: огромный Лондонский университетский колледж, лидер рейтинга по объему высококачественных исследований, включил в свой отчет данные о результатах работы 91% сотрудников. Вторым после него идет Оксфордский университет, отчитавшийся о 87% сотрудников. А главный соперник Оксфорда Кембридж представил данные о 95% сотрудников, в результате чего оказался на 1 пункт ниже.

Очевидно, что если бы Кембридж тоже ограничил свой отчет 87%, то он оказался бы выше Оксфорда в итоговом рейтинге. Но составители REF позволили Оксфорду изменить правила игры таким образом, чтобы оказаться в наиболее выгодном свете и представить себя одним из лучших исследовательских университетов Великобритании. В то же время Университету Кардиффа удалось попасть на седьмую строчку рейтинга благодаря тому, что он отчитался лишь о 61% своих сотрудников.

Транснациональные пути получения высшего образования в Англии

Жанет Илиева

Жанет Илиева — сотрудник Английского совета по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE). E-mail: j.ilieva@hefce.ac.uk.

Полная версия этой статьи доступна на сайте HEFCE (<http://www.hefce.ac.uk/pubs/year/2014/201429/>) под заголовком «Directions of Travel: Transnational Pathways into English Higher Education».

Бытует мнение, что транснациональное образование становится все более популярным способом привлечения иностранных студентов. Обычно под транснациональным образованием понимают образовательные программы, разработанные в одной стране, а реализуемые в другой. Наше исследование представляет собой первую в истории попытку оценить количество обучающихся в Англии студентов, попавших в Соединенное Королевство путем поступления на транснациональные образовательные программы. В этой работе мы будем называть их транснациональными студентами. Проведенный анализ показывает, что в 2012-2013 годах примерно треть всех иностранных студентов бакалавриата, а именно 16 500 человек, или 34%, перевелись в Англию с зарубежных транснациональных программ.

В период с 2009-2010 по 2012-2013 учебный год численность транснациональных студентов из Китая увеличилась на 55% (3000 человек), из Малайзии — на 18% (1000 человек). Малайзия — вторая страна по количеству транснациональных программ. Почти 63% всех малайзийских студентов в Англии (3200 человек) обучались на транснациональных программах бакалавриата.

В целом граждане Китая и Малайзии составляют примерно 70% всех транснациональных студентов бакалавриата английских вузов. Китай и Малайзия являются крупнейшими после Сингапура странами по количеству реализуемых британских транснациональных образовательных программ.

Длительность пребывания транснациональных студентов в Англии различается. В 2012-2013 годах большинство китайцев (66%, или 5450 человек) обучалось на программах продолжительностью от двух до трех лет, а большинство малайзийцев (56%) — на программах продолжительностью не более одного года. Также велик поток транснациональных студентов из Нигерии и Гонконга, откуда приехало 550 и 500 человек соответственно. Рост количества транснациональных студентов из Нигерии смягчил общее сокращение численности иностранных студентов, переводящихся на английские программы бакалавриата.

Короткие образовательные программы влияют на сокращение среднего периода обучения

Одной из ключевых характеристик транснациональных студентов является то, что их период обучения в Англии значительно короче периодов обучения студентов, обучающихся на стандартных программах. Самый большой рост количества участников был отмечен на программах продолжительностью не более одного академического года. Их количество выросло с 28% (3700 человек) в 2009-2010 учебном году до 33% (5500) в 2012-2013 году. Такое смещение интереса к обучению на более коротких программах может быть отчасти связано с последствиями мирового финансового кризиса 2008-2009 годов, которые испытал на себе средний класс. Короткие образовательные программы оказываются более привлекательными с точки зрения снижения финансовых расходов на оплату обучения и проживание в другой стране, что особенно актуально для семей, доходы которых снизились в результате кризиса и для которых расходы на обучение по долгосрочным программам оказались слишком высоки.

Влияют ли международные студенты на спрос на магистерские программы

Примерно треть всех транснациональных студентов, которые в какой-то момент перевелись в Англию в рамках магистерских программ, остается в стране для получения магистерского образования. Имеющиеся данные позволяют отследить информацию только

по тем студентам, которые поступили в бакалавриат в 2009-2010 или 2010-2011 учебном году, а двумя годами позже — соответственно в магистратуру. Примерно 5100 человек, поступивших в бакалавриат в 2010 году, в 2012-2013 году продолжили обучение на программах магистратуры. Большинство из них — 4130 (82%) — из Китая.

Обычно под транснациональным образованием понимают образовательные программы, разработанные в одной стране, а реализуемые в другой.

Из общего числа китайских студентов, поступивших на транснациональные программы в 2009 году, 59% продолжили свое обучение в магистратуре в Англии. Из этого мы можем сделать вывод о том, что 45-процентный прирост числа студентов-китайцев на программах магистратуры без исследовательского компонента (на 1100 человек) в 2012-2013 году стал возможен именно за счет увеличения количества продолживших свое обучение транснациональных студентов. Это показывает, что возможность продолжить обучение в магистратуре является привлекательным фактором для китайских студентов, поступающих на транснациональные бакалаврские программы.

Однако на данный момент у нас недостаточно данных для того, чтобы в целом оценить долю выпускников британских транснациональных образовательных программ, продолжающих обучение на магистерских программах в Англии.

Заключение

Китай и Малайзия — ведущие страны по количеству реализуемых британских транснациональных образовательных программ и по числу студентов, переводящихся в Англию на программы бакалавриата. Они проводят в Англии меньше времени, чем обычные студенты, и, соответственно, оставляют в стране меньше денег, однако уже ясно, что перевод в Англию с транснациональной образовательной программы — это, по мнению многих представителей среднего класса стран Восточной Азии, выгодный способ дать ребенку хорошее образование. Таким образом, сокращение продолжительности обучения для транснациональных студентов увеличивает доступность английского высшего образования для таких семей.

Рынок транснационального образования в Восточной Азии продолжает развиваться. Китайцы не признают

иностранных дипломов других государств региона, за исключением малайзийских, выданных по результатам транснациональных образовательных программ. Планируется, что намеченное на 2015 год создание экономического сообщества АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) будет способствовать гармонизации рынка высшего образования в регионе. Пока Малайзия остается единственной страной — членом этой организации, чьи граждане активно пользуются транснациональными образовательными программами как способом продолжения обучения в Англии, однако очевидно, что со временем таких людей будет все больше.

Развитие транснациональных образовательных программ позволяет лучшим мировым вузам укрепить свои позиции в других странах. В долгосрочной перспективе это означает, что они только выиграют от роста межрегиональной студенческой мобильности и углубления международных академических связей.

.....

Сколько стоит профессор? Проблема привлечения лучших кадров

Марселу Кнобель

Марселу Кнобель — профессор Института физики им. Глеба Ватагина Государственного университета Кампинаса (Unicamp), штат Сан-Паулу, Бразилия. E-mail: knobel@ifi.unicamp.br.

В недавней книге Филипа Альтбаха и его коллег детально рассматриваются подходы к оплате труда преподавателей в разных странах (Altbach et al., eds., *Paying the Professoriate: A Global Comparison of Compensation and Contracts*, Routledge, 2012; Издательский дом ВШЭ готовит перевод этой книги на русский язык). Один из основных выводов, который делают авторы, заключается в том, что информацию об оплате труда преподавателей зачастую непросто найти и еще труднее проанализировать в связи с огромными различиями между странами, а также в силу того, что заработная плата преподавателей, как правило, зависит от их карьерных достижений. Многие страны стремятся создать надежную систему высшего образования, а эффективность привлечения молодых талантов, которые продолжают научные традиции и передадут их представителям следующих поколений, является залогом успешности этого процесса. Однако в Бразилии, как и во многих других латиноамериканских

странах, переход к поощрению академических достижений преподавателей, особенно в государственных исследовательских университетах, очень затруднен. В этой статье я расскажу о законодательных изменениях в штате Сан-Паулу, которые оказывают негативное влияние на привлечение в вузы молодых талантов, ставя под угрозу выполнение задачи по построению в регионе системы высшего образования высокого уровня, реализация которой велась в течение последних 60 лет.

Данные о заработной плате преподавателей в Бразилии теоретически должны были быть легко доступны, так как в государственных вузах действует единая «урavnительная» система расчета оплаты труда. В соответствии с этой системой вне зависимости от научной продуктивности, эффективности и успешности в привлечении дополнительных финансовых ресурсов академические сотрудники, находящиеся на одном карьерном этапе, получают одинаковую зарплату. Однако на практике ситуация гораздо сложнее, так как заработная плата зависит также от стажа работы в конкретном университете и от административной нагрузки. Более того, некоторые преподаватели получают дополнительный доход за счет грантов или консалтинговой работы. Еще один уровень сложности анализа доходов добавляется за счет того, что зарплата различается в зависимости от типа университета — частный коммерческий, частный некоммерческий, государственный федеральный, государственный региональный (уровня штата), государственный муниципальный.

Ограничения сверху

Недавно в Бразилии разгорелась дискуссия относительно заработной платы высшего состава академических сотрудников государственных университетов штата Сан-Паулу (к ним относятся Университет Сан-Паулу, Университет Кампинас (Unicamp) и Университет штата Сан-Паулу), которые, как видно из различных рейтингов, являются одними из лучших в латиноамериканском регионе. В ходе обсуждений выяснился ряд интересных фактов. С целью приведения законодательства штата в соответствие с федеральным начиная с 2003 года заработная плата всех бюджетников штата Сан-Паулу привязана к зарплате губернатора, чья зарплата обозначает потолок для всех без исключения сотрудников госсектора. Неудивительно, что этот потолок может быть снижен исходя из политической целесообразности, а именно в условиях сокращения региональных бюджетных расходов. Такой подход также открывает широкое поле для популистски ориентированной политики, особенно с учетом того, что благополучие губернатора не зависит от его зарплаты, потому что он получает множество неденежных привилегий, таких как служебное жилье, автомобиль с водителем, еда и т.д.

В настоящее время месячная зарплата губернатора штата Сан-Паулу составляет 20 662 бразильских реала (примерно 8000 долларов США), из которых 38% уходит на налоги. Таким образом, максимальный чистый заработок бюджетника в штате Сан-Паулу составляет примерно 5000 долларов США в месяц (или 67 000 долларов США в год из расчета зарплаты за 12 месяцев плюс бонус в виде тринадцатой зарплаты). Соответственно, максимально возможная зарплата профессоров и высшего руководства вузов ограничена этой суммой вне зависимости от стажа работы, научных достижений, выполняемых административных задач и других факторов.

Хотя законодательно зарплатный потолок был установлен лишь в 2003 году, Верховный суд Бразилии постановил, что закон должен соблюдаться во всех случаях, в том числе в отношении тех, чья зарплата до 2003 года превышала введенный впоследствии максимальный уровень. В краткосрочной перспективе это означает, что многие преподаватели, достигшие пенсионного возраста, будут стремиться поскорее выйти на пенсию, т.к. их заработок упал. Но самая большая проблема состоит в том, что в условиях невозможности выплачивать достойные зарплаты будет очень сложно найти желающих занять в университетах такие руководящие административные позиции, как руководитель департамента или координатор работы со студентами.

Проблема привлечения и удержания лучших кадров

Можно, конечно, назвать претензии к существующей системе начисления заработной платы преподавателей политически некорректными, так как минимальный оклад в Бразилии составляет всего 724 реала (280 долларов США), а средняя зарплата не превышает 2100 реалов (800 долларов США). Те, кто зарабатывает более 20 000 реалов в месяц, уже относятся к верхнему квинтилю населения. Поэтому в стране с таким высоким уровнем социального неравенства очевидно, что уже сам факт работы в университете на академической позиции помещает человека на самый верх социально-экономической пирамиды.

С целью приведения законодательства штата в соответствие с федеральным начиная с 2003 года заработная плата всех бюджетников штата Сан-Паулу привязана к зарплате губернатора...

Однако, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, в последние 60 лет руководство штата Сан-Паулу и страны в целом прикладывало массу усилий к созданию нескольких университетов мирового класса. Существование исследовательских университетов является обязательным условием национального социально-экономического развития и, как бы это парадоксально ни звучало, в конечном итоге способствует сокращению социального неравенства в бразильском обществе. Действующая сейчас система оплаты труда ограничивает возможности вузов по привлечению талантливой молодежи, которая могла бы способствовать укреплению системы высшего образования. Понятно, что молодые талантливые ученые являются фундаментальной основой будущих высокоуровневых исследований, качественных образовательных программ и успешности страны в целом. Смогут ли государственные университеты штата Сан-Паулу удержаться на достигнутых позициях и развиваться дальше, если у них не будет возможности привлекать и удерживать талантливую молодежь?

Сколько стоит профессор? Что заставляет молодых талантов выбирать научную карьеру? Отчасти ответ на эти вопросы состоит в том, что молодые бразильцы, как и представители других наций, просто хотят заниматься тем, что им интересно. Однако в Бразилии к академической карьере раньше прилагались и другие бонусы в виде сохранения заработка после выхода на пенсию (сейчас это уже не так) и стабильного трудоустройства. Работа в вузе по-прежнему остается стабильной, однако зарплата сотрудников старшего звена потеряла конкурентоспособность по сравнению с зарплатой тех, кто работает в частном секторе (коммерческие организации и т.д.). Кроме того, бразильские профессора при большом стаже работы в университетах зарабатывают существенно меньше, чем их зарубежные коллеги, а это невероятно важно в условиях глобального конкурентного рынка.

Национальная политика и академические достижения

В теории университет — это элитная интеллектуальная площадка, которая должна функционировать на основе законов меритократии. Но в Бразилии можно работать преподавателем и получать довольно хорошую зарплату, не показывая никаких особенных профессиональных результатов. Это демотивирует тех, кто действительно предан науке и готов много работать. Более того, существование фиксированной зарплатной сетки затрудняет развитие университетов мирового класса. Университетам штата Сан-Паулу придется что-то придумать, чтобы преодолеть эту проблему.

Политически мотивированное ограничение заработной платы преподавателей делает их профессию менее привлекательной как на национальном, так на международном рынке труда и очевидно нанесет ущерб

системе высшего образования, к развитию которой в последние годы прикладывается столько усилий. К сожалению, подобные проблемы наблюдаются и в других развивающихся странах, которые тоже стремятся к созданию качественной системы высшего образования. Во многих странах Латинской Америки именно государственные вузы играют ведущую роль в развитии науки и инноваций. Их деятельность жестко регламентирована государством, что затрудняет переход на более дифференцированную, экономически рациональную систему оплаты труда и, соответственно, привлечение молодых талантов и академических сотрудников узкого профиля. Необходимо подчеркнуть, что преподаватели являются ядром академического мира, поэтому их мотивация, вовлеченность и преданность своему делу являются ключевыми элементами существования университетов.

.....

Кризис и тоска по родине: новые возможности для возвращения интеллектуалов в Латинскую Америку?

Иван Ф. Пачеко

Иван Ф. Пачеко — независимый консультант, приглашенный эксперт Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже. E-mail: ivanfpatcheco@gmail.com.

В Латинской Америке все острее ощущается необходимость наращивания высокопрофессионального кадрового потенциала. Для подготовки талантов нужно большое количество преподавателей. Однако страны Латинской Америки традиционно испытывают существенные проблемы с возвращением, удержанием и привлечением преподавателей высокого уровня. Слишком мало людей оканчивает аспирантуру, да и качество их образования нередко вызывает сомнения. К тому же одной из основных проблем региона остается утечка мозгов. Однако положение дел может в корне измениться: в развитых странах много людей получают степень PhD, а при этом условия труда преподавателей, особенно молодых, постоянно ухудшаются, поэтому работа в развивающейся стране может стать привлекательной карьерной возможностью.

В некоторых индустриальных странах количество обладателей степени PhD по ряду дисциплин существенно превышает необходимое. Соответственно, для многих из них академическая профессия становится менее привлекательной. Большинство американских преподавателей сейчас работают по временному трудовому договору и не могут рассчитывать на получение бессрочного контракта, а часть из них вообще работает на условиях неполной занятости. Недавние выпускники PhD-программ испытывают трудности с устройством на работу, которая могла бы компенсировать время, усилия и деньги, инвестированные в получение научной степени, а иногда они вообще не могут найти работу. Некоторые видят в этом признаки так называемой академической пролетаризации.

Академическая пролетаризация характерна не только для США. Другим интересным для рассмотрения примером является Испания. Несмотря на серьезные межрегиональные различия, в целом заработная плата испанских преподавателей, работающих на условиях бессрочного трудового договора, является вполне конкурентоспособной в условиях Европейского союза. По сравнению с ними профессора, работающие на условиях срочных контрактов, получают довольно мало. Исследование Каталонской ассоциации государственных университетов (ACUP) показало, что ежемесячная заработная плата сотрудников, работающих на полную ставку, но по временному контракту, варьируется от 409 долларов США (у доцентов) до 1637 долларов (у постдоков). Такие малопривлекательные условия труда, тем более на фоне общих экономических трудностей в стране, заставляют многих преподавателей уезжать за границу в поисках лучшей доли. Об этом уже не раз говорили испанские СМИ, включая одну из крупнейших национальных газет «Эль Паис».

Если в США, Испании и других индустриальных странах слишком много людей, получивших степень PhD, то в большинстве развивающихся стран наблюдается противоположная проблема: им не хватает ученых, а возможности подготовить достаточное количество высокообразованных людей у них просто нет. Даже Бразилия, латиноамериканский тяжеловес, страна с наиболее развитой в регионе системой аспирантуры, испытывает нехватку молодых ученых. Хотя ежегодно в Бразилии степень PhD получают 12 000 человек, на 1000 жителей в возрасте 25-64 лет все равно приходится всего лишь 1,4 ученого. Для сравнения: в Швейцарии эта цифра составляет 23, в США — 8,4, в Канаде — 6,5.

Ваш кризис — наши возможности?

Кажется, что у проблемы спроса и предложения есть идеальное решение. В одних странах слишком много молодых ученых, а в других — огромный спрос на них. Однако не все так просто. Неквалифицированные мигранты более легки на подъем, чем люди с высоким уровнем образования, и создать для последних привлекательные условия — непростая задача.

В некоторых латиноамериканских странах разработаны программы по привлечению преподавателей и исследователей из-за рубежа. Так, в Автономном университете Чили действует программа PAIR, в рамках которой в страну приехало уже около 100 преподавателей из Испании, Великобритании, Италии, Мексики и Аргентины. Самой действенной стратегией может похвастаться, пожалуй, Эквадор. В рамках национальной программы по повышению качества высшего образования некоторые эквадорские государственные вузы начали приглашать высококвалифицированных иностранных ученых (обладателей степени магистра или PhD). Национальный университет Эквадора уже объявил конкурс на 500 вакансий в различных областях науки, а в ближайшие пять лет планируется привлечь еще 5000 человек. В конкурсе могут участвовать граждане всех государств, однако правительство Эквадора заинтересовано главным образом в привлечении ученых из Испании, для чего в ведущих испанских СМИ были опубликованы соответствующие полноразмерные рекламные объявления. Предлагаемые эквадорцами зарплаты для молодых испанцев значительно более привлекательны, чем то, на что они могут рассчитывать в Испании. Финансовые условия работы в Эквадоре, особенно на фоне экономического кризиса в Испании, оказались мощным инструментом привлечения молодых испанцев, и многие из них уже сделали свой выбор. Успеху программы способствовало и то, что обе страны говорят по-испански.

В Венесуэле, наоборот, наблюдается массовая утечка мозгов. Согласно данным SciDev.Net, только в 2011-2012 годах профессорско-преподавательский состав Центрального университета Венесуэлы сократился на 700 человек, а в Университете штата Сулия незаполненными оказались 1577 преподавательских вакансий. Условия жизни и труда в Венесуэле постоянно ухудшаются, и большинство уехавших учиться за границу предпочли не возвращаться. Преподаватели, исследователи и высококвалифицированные мигранты покидают родину и оседают в других американских странах, в Европе или Океании.

Если в США, Испании и других индустриальных странах слишком много людей, получивших степень PhD, то в большинстве развивающихся стран наблюдается противоположная проблема...

Тоски по дому может быть недостаточно

Многие страны разрабатывают различные программы по привлечению на родину ученых, которые когда-то уехали за рубеж учиться и не вернулись. В конце 2013 года колумбийское агентство по исследованиям и инновациям Colciencias объявило о запуске программы Es Tiempo de Volver — «Пора возвращаться», цель которой заключается в возвращении примерно 200 уехавших когда-то ученых-колумбийцев. В дополнение к довольно высокой по местным меркам заработной плате (которая все равно ниже того, что они получают за границей) им предлагаются налоговые льготы, компенсация расходов на переезд и гранты на исследовательскую работу. На апрель 2014 года было получено более 10 000 заявок на участие в этой программе, причем 900 человек имели степень PhD.

Аргентина в 2003 году запустила аналогичную программу под названием Raíces, в рамках которой вернулось около 1000 ученых. Однако у этой программы есть и другое направление работы: она функционирует в качестве своего рода платформы для общения аргентинских ученых, которые не захотели переезжать обратно, но которые периодически приезжают в страну с короткими исследовательскими визитами или дистанционно осуществляют научное руководство курсовыми работами и диссертациями аргентинских студентов и аспирантов.

Успешность подобных инициатив различается в разных странах. В целом у них есть одна общая проблема: они нацелены на возвращение соотечественников на родину и не учитывают того факта, что есть масса достойных кандидатов из других стран, которые, возможно, хотели бы переехать в их страну в силу тех или иных причин.

Заключение

Размышляя о переезде в другую страну, ученые задумываются не только о заработной плате, хотя, безусловно, этот фактор играет важную роль. Наличие сплоченного научного сообщества, хорошей инфраструктуры для преподавания и исследований и пр. также играет большую роль при принятии решения о переезде. Переизбыток обладателей степени PhD во многих индустриальных странах в сочетании с трудностями с трудоустройством в академической среде может сыграть на руку менее развитым с академической точки зрения странам, которые могут быть заинтересованы в привлечении не только представителей собственной диаспоры, но талантливых иностранных ученых. Идея привлечения из-за рубежа только соотечественников может быть ошибочной стратегией для стран, испытывающих недостаток в обладателях научных степеней, так как в мире становится все больше ученых и преподавателей, готовых переехать за рубеж ради хорошей работы.

Восстановление и обновление системы высшего образования в Афганистане

Фред М. Хейуорд,
Мохаммад Осман Бабури

Фред М. Хейуорд — старший консультант по вопросам высшего образования Массачусетского университета, Амхёрст, США; с 2009 года — советник Министерства высшего образования Афганистана. E-mail: haywardfred@hotmail.com.

Мохаммад Осман Бабури — замминистра по научным вопросам Министерства высшего образования Афганистана; профессор фармакогнозии в Кабульском университете. E-mail: deputyminister.mohe@gmail.com.

Данный текст подготовлен по материалам статьи Afghanistan Higher Education: The Struggle for Quality, Merit, and Transformation, опубликованной в журнале Planning for Higher Education Journal (№42, январь-март 2014 года).

Система высшего образования Афганистана сильно пострадала в результате войны, которая длилась более 30 лет и унесла жизни более миллиона человек, а еще шесть миллионов человек вынудила бежать из родных мест. Большинство вузов оказалось частично разрушено, многие были закрыты, женщинам было запрещено учиться или преподавать, что привело к сокращению профессорско-преподавательского и административного состава вузов более чем наполовину. Когда-то Афганистан был региональным лидером в области высшего образования, однако мало что осталось от бывшего величия. Перед современным Министерством высшего образования встала невероятная по масштабности и сложности задача восстановления системы, разрушенной талибами.

Первоочередные проблемы

Одна из основных бед войны — это людские потери. Среди тех, кто выжил, многие, в том числе более половины нынешних студентов, испытывают посттравматическое стрессовое расстройство, депрессию или другие психологические проблемы. Из-за войны численность профессорско-преподавательского состава уменьшилась практически вдвое, что стало еще одной проблемой. Процесс найма сотрудников перестал быть прозрачным. Основными факторами, оказывающими влияние на решение о приеме на работу, стали этническое и географическое происхождение и идеологические воззрения соискателя.

Система высшего образования Афганистана сильно пострадала в результате войны, которая длилась более 30 лет...

Процедура вступительных экзаменов («канкор») была дискредитирована, и люди разуверились в ее объективности.

В высшем образовании были проблемы и другого рода. В вузах прекратилась исследовательская деятельность, и они не могли предложить правительству никаких решений стоящих перед ними проблем. Качество преподавания также пострадало, так как оставшиеся преподаватели значительно отстали от своих коллег в профессиональном контексте.

К 2009 году базовые проблемы были решены, наступило время подумать о разработке стратегии по восстановлению и обновлению системы высшего образования. Комиссия под руководством замминистра высшего образования по научным вопросам разработала Национальный стратегический план по развитию высшего образования на 2010-2014 годы (NHESP). В этом документе было прописано две основные цели: а) повышение доступности высшего образования; б) улучшение качества образовательных программ, системы управления вузами, профессиональной подготовки преподавателей и инфраструктуры. Для достижения этих целей были разработаны новые процедуры и законы. В июле 2011 года были обнародованы новые правила аккредитации вузов. В 2013 году 12 афганских вузов завершили процедуру самообследования, было подготовлено 50 специалистов в области независимой экспертной оценки вузов, и уже в сентябре того же года шесть вузов вступили в первый этап новой процедуры аккредитации. Таким образом, был сделан первый шаг в трехэтапном процессе реформы. Другая цель NHESP была достигнута с годичным опережением: в 2013 году афганские вузы более чем удвоили количество первокурсников (130 195 человек) по сравнению с 2008 годом (54 683 человека). Также начался расцвет частного высшего образования, которое было запрещено до 2006 года. Сейчас в стране около 90 частных вузов, и в 2014 году в них обучалось уже более 130 тысяч студентов. Правительству удалось побороть коррупцию в системе вступительных экзаменов. Идет процесс пересмотра содержания и обновления образовательных программ. К 2014 году впервые в истории страны более половины образовательных программ государственных вузов было пересмотрено, переписано и обновлено.

В 2013 году также была опубликована Гендерная стратегия развития высшего образования, разработанная Министерством высшего образования совместно с Министерством по делам женщин. Если в 2001 году девушки вообще не могли учиться в афганских вузах, то сейчас они составляют почти 19% (30 997 человек) от общего числа студентов. Наем женщин-преподавателей идет не так успешно. Отчасти это связано с тем, что на программах магистратуры и аспирантуры обучается мало женщин. На сегодняшний день женщины занимают не более 15% профессорско-преподавательских позиций. Министерство высшего образования стремится преодолеть основные барьеры, препятствующие увеличению численности студенток женского пола. Одной из основных проблем является отсутствие безопасного жилья. Для ее решения в настоящее время строится три женских общежития — два на средства Госдепартамента США, а третье на средства вооруженных сил США. В них смогут разместиться до 1600 студенток.

Одной из ключевых проблем улучшения качества образования было то, что только 5% преподавателей имели степень PhD и 32% — степень магистра. Министерство высшего образования направило более 1000 преподавателей за рубеж обучаться на программах магистратуры и еще 750 человек — на PhD-программах. Некоторые из них уже успели вернуться на родину, привнося в университеты новую струю энергии, энтузиазма и научного рвения. Благодаря помощи Всемирного банка афганские ученые впервые за несколько десятков лет начали получать в 2012 году доступ к исследовательским грантам.

Проблемы следующего этапа

Одно из основных препятствий на пути развития высшего образования — нехватка финансирования. Заявления правительства о приоритетности высшего образования не находят отражения в финансовом обеспечении. Наоборот, расходы на высшее образование в пересчете на душу населения в последние годы только снижались с 522 долларов США в 2010 году до 443 долларов на сегодняшний день. Финансовая проблема также отчасти связана с недостаточным интересом международных организаций-доноров. Так, деньги на развитие высшего образования выделяют только Агентство США по международному развитию и Всемирный банк. А большая часть доноров фокусируется на всеобщем начальном образовании в рамках движения по обеспечению доступа к начальному образованию во всем мире. Однако необходимо понимать, что их успехи в увеличении количества выпускников средних школ в долгосрочной перспективе неизбежно приведут к росту спроса на высшее образование.

Непрекращающаяся война, коррупция, халатность привели к тому, что многие молодые люди потеряли веру в систему высшего образования и утратили всякую надежду на достойное будущее. Энтузиазм и оптимизм, которые мы наблюдали в 2003 году, обернулись

единодушным недоверием к правительству. Еще одна проблема — высочайший уровень централизованности высшего образования. Министерство высшего образования стремится к децентрализации. В ноябре 2013 года оно одобрило ряд мер по ослаблению финансовой централизованности. Это дает университетам большую автономность и гибкость и позволяет им самостоятельно распоряжаться средствами.

Оглядываясь назад, мы видим много фундаментальных изменений, которые действительно преобразили систему высшего образования за последние пять лет. Однако основные изменения, которые позволят восстановить культуру исследовательской работы, повысить качество обучения, добиться гендерного равенства и снизить уровень централизованности, еще впереди.

Министерство высшего образования выделило ключевые задачи повышения качества образования: развитие системы аккредитации вузов, повышение уровня профессиональной подготовки преподавателей, обновление учебных планов, создание системы привлечения к работе в университетах лучших специалистов на основе прозрачных процедур. Неизменными остаются проблемы коррупции, политического вмешательства и нехватки ресурсов. Тем не менее в стране есть ядро людей — преподавателей и административных сотрудников, которые преданы идее обновления системы. Несмотря на хрупкость произошедших перемен, велика вероятность того, что им удастся их отстоять, институционализировать и продолжить процесс. Таково положение дел на 2014-2015 годы. И у нас есть все основания надеяться на успех предстоящих реформ.

Проблема развития автономной системы высшего образования в Афганистане

Джозеф Б. Бергер, Ханни С. Тома

Джозеф Б. Бергер — профессор Школы образовательных наук Массачусетского университета, Амхёрст, США. E-mail: jbberger@educ.umass.edu.

Ханни С. Тома — аспирант Массачусетского университета. E-mail: hthoma@educ.umass.edu.

Хорошо известно, что к 2001 году после трех десятков лет вооруженных конфликтов система высшего образования в Афганистане находилась в упадке. Однако в 2001 году начался так необходимый молодому государству, находящемуся на пути демократического и экономического развития, процесс восста-

новления институтов высшего образования. Спрос на высшее образование среди молодежи рос огромными темпами. В 2001 году в стране было всего около 6000 студентов, а в 2012 году — уже около 100 000. По подсчетам экспертов, в 2020 году в государственных вузах Афганистана будет учиться более 300 000 студентов, а набор в частные вузы уже в 2015 году должен составить около 100 000 человек. Государственные вузы продолжают оставаться основой системы высшего образования. С точки зрения общественного мнения, обучение в них очень престижно, к тому же для абитуриентов, успешно прошедших вступительные испытания, оно бесплатно. Поэтому обучение в государственном университете является наиболее предпочтительным, и лучшие абитуриенты стремятся поступить именно туда. Частные вузы обладают высокой степенью автономии, однако в большинстве своем это небольшие и не пользующиеся авторитетом учебные заведения, предлагающие образование чрезвычайно низкого качества. Таким образом, для успешного развития системы высшего образования в Афганистане, с одной стороны, необходимо дать больше автономии государственным вузам, а с другой — жестче регулировать деятельность частных.

Автономия вузов

Сектор государственного образования в Афганистане характеризуется очень высокой степенью централизации, возможно, даже самой высокой в мире. Еще два года назад Министерство высшего образования (МВО) контролировало практически все решения обо всех аспектах работы конкретных вузов. Финансовая поддержка иностранных доноров помогла министерству запустить процесс развития системы и повышения качества высшего образования. Для того чтобы поддержать дальнейшее развитие кампусов, в 2009 году МВО разработало Национальный стратегический план по развитию высшего образования (NHESP), одной из задач которого является повышение автономии государственных вузов.

Вплоть до недавнего времени не было ясно, какие конкретно шаги нужно предпринять для повышения автономности отдельных кампусов. Было потрачено много усилий на формирование единых национальных стандартов, которые легли в основу процесса а) разработки практических процедур и инфраструктуры, необходимых для расширения автономии вузов; б) переподготовки министерских и университетских кадров. Первые шаги по расширению автономии вузов в трех стратегических областях — академической, административной и финансовой — уже предприняты.

Работа в первой области предполагает повышение роли преподавателей и сотрудников вузов в развитии системы контроля качества образования, основанной на двенадцати национальных стандартах, путем проведения внутренней самооценки и внешней экспертизы. Такой подход изменяет роль МВО с контролирующей на координирующую.

Сектор государственного образования в Афганистане характеризуется очень высокой степенью централизации, возможно, даже самой высокой в мире. Еще два года назад Министерство высшего образования контролировало практически все решения обо всех аспектах работы конкретных вузов.

Административная автономия предполагает развитие деятельности по шести важнейшим направлениям, обозначенным в Руководстве по оценке рисков в сфере управления государственными финансами (PFMRA), подготовленном Агентством США по международному развитию. К ним относятся: руководство организацией, внутренний аудит, финансы и учет, человеческие ресурсы, снабжение, информационные технологии. Сейчас в МВО занимаются одновременной подготовкой соответствующих кадров в министерстве и крупнейших государственных вузах с расчетом на то, что они начнут пилотный этап работ по повышению административной автономии вузов.

Финансовая автономия во многом связана с административной, однако задача данного этапа — изменение законодательства о финансировании высшего образования, которое запрещает вузам взимать плату за обучение и оставлять себе любые заработанные деньги. Понятно, что в таких условиях у вузов нет стимула разрабатывать инновационные программы; более того, подобная деятельность воспринимается как нежелательное посягательство на человеческие и организационные ресурсы. В условиях нехватки бюджетных средств на поддержание высшего образования вопрос о невозможности получать прибыль и управлять ею стоит особенно остро. По факту на сегодняшний день около 80% национального бюджета Афганистана формируется за счет международной финансовой помощи, что, понятно, не слишком надежный и изобильный источник. Четыре вуза уже получили некоторую финансовую автономию, и это стало очередным толчком к изменению законодательства. Однако это сложный процесс, в котором задействованы многочисленные государственные агентства и комиссии.

Частный образовательный сектор, наоборот, обладает высочайшей степенью автономии и вообще практически не регулируется. Но МВО уже обратило свое внимание и на эту проблему: так, в 2013-2014 годах министерство впервые решило оценить качество работы частных вузов, и в большинстве случаев результаты оказались неудовлетворительными. К сожалению, у МВО недостаточно ресурсов, финансовых и политических, для того чтобы влиять на частные вузы и принуждать их следовать хотя бы минимальным стандартам качества.

На сегодняшний день система высшего образования только начинает определять роли и зоны ответственности четырех основных участников процесса — МВО, Комиссии по контролю качества, государственных и частных вузов. Министерство, состоящее из различных управлений, департаментов и подразделений, занимает ключевую позицию в централизованной афганской системе и координирует все высшее образование в стране. Полуавтономные комиссии и комитеты национального уровня, такие как Комиссия по контролю качества, находятся только в стадии формирования, но впоследствии, когда вузы станут более автономными, будут играть важнейшую роль в разработке и координации различных процедур и механизмов. Государственные вузы продолжают представлять собой полуавтономные структуры, которые обеспечивают реализацию программ высшего образования по всей стране, но которые по-прежнему ограничены в принятии как стратегических, так и операционных решений, связанных с академической, административной и финансовой стороной своей деятельности. Частные вузы обладают высокой степенью автономии, и одна из задач МВО — включить их в общую систему обеспечения качества высшего образования.

Заключение

Высшее образование, как и большинство других аспектов жизни Афганистана, за последние десять лет претерпело значительные изменения. Появляются законы и процедуры, которые позволяют повысить автономию государственных вузов, однако очевидно, что пройдет еще не один год, прежде чем преподаватели и сотрудники вузов смогут в полной мере воспользоваться возможностями, которые дает возрастающая автономия. В то же время Афганистану предстоит справиться с задачей установления контроля в сфере частного высшего образования. Очевидно, что различия между частными и государственными вузами с точки зрения качества образования, стоимости обучения и степени автономии очень высоки, и это вопрос, который должен быть решен в ближайшее время с учетом того, что частный сектор постоянно растет и набирает силу. Система высшего образования была полностью обновлена, и эти изменения будут постепенно влиять на повышение качества высшего образования и его доступности, что имеет огромное значение для стремящегося к суверенитету афганского общества.

Укрепление общественной роли африканских университетов

Генри Мугаби

Генри Мугаби — исследователь отдела высшего образования Университета Тампере, Финляндия. E-mail: henry.Mugabi@uta.fi.

Известно, что первые европейские университеты занимались главным образом преподаванием, однако впоследствии многие стали центрами научной мысли и начали играть важную роль в обществе. Ожидается, что африканские вузы также будут совмещать все эти три ипостаси. В 1962 году на конференции ЮНЕСКО «Развитие высшего образования в Африке» было заявлено, что африканские вузы должны занять прочное место в обществе и адаптировать образовательную и исследовательскую деятельность под насущные проблемы континента. Некоторые вузы, такие как Городской университет имени Нельсона Манделы (ЮАР), УниверситетMakerере (Уганда), Университет Ботсваны, Университет Квазулу-Натал (ЮАР), Университет Маврикия, Университет Ганы и Университет Дар-эс-Салама (Танзания), действительно объявили служение обществу одним из приоритетных направлений работы. Кроме того, в большинстве университетов есть специальные подразделения, такие как консультационные центры, центры повышения квалификации, бизнес-инкубаторы, центры развития технологий, а также сотрудники, которые занимаются развитием взаимодействия между университетом и обществом.

Однако в большинстве африканских вузов эта работа еще не поставлена на институциональные рельсы: они не связывают учебную и исследовательскую деятельность с запросами общества. Вклад преподавателей и исследователей в жизнь общества не учитывается при принятии кадровых решений. Так, например, доклад управляющего комитета Университета Найроби, подготовленный с целью оценки деятельности вуза в области развития академического персонала и карьерных траекторий, игнорирует вклад академических сотрудников в развитие общества, но вместо этого подчеркивает, что основными показателями для кадрового продвижения являются публикации, научное руководство студентами и качество преподавания. Даже там, где формально этот фактор имеет значение при принятии решений о приеме на работу и повышении, например в Университете Макаерере в Уганде, вес его невелик. Кроме того, финансирование этой работы очень нерегулярно и недостаточно или базируется на зарубежных источниках. Таким образом, большая часть общественно значимых проектов реализуется

по инициативе конкретного преподавателя или группы преподавателей, то есть является слабоинституционализированной деятельностью, основанной на личной инициативе. Встает вопрос: что нужно сделать, чтобы ее институционализировать?

Рекомендации

Как правило, реализация общественно значимых проектов напрямую зависит от опыта и степени вовлеченности преподавателей, сотрудников и студентов. Поэтому такие проекты обычно умирают или затухают, как только люди, которые были в них заинтересованы, перестают ими заниматься. Институционализация подобной деятельности в африканских университетах невозможна без признания ее значимости на уровне вузов и создания специальных условий и среды, которые ее гармонизируют и выполняют роль посредника во взаимодействии между вузами, преподавателями и студентами с одной стороны и обществом — с другой. Кроме того, необходимо, чтобы задача взаимодействия с сообществом учитывалась при планировании бюджета, образовательной программы, исследовательской деятельности, например в форме стажировок студентов в общественных организациях, реализации совместных исследовательских проектов, а также иными способами. Институционализация подобной деятельности требует целеустремленности со стороны руководителей вузов, которые могли бы вовлечь преподавателей, ученых, студентов и простых граждан в партнерские отношения. В этой связи решение Городского университета имени Нельсона Манделы о создании офиса проректора по взаимодействию с обществом очень вписывается в эту задачу. Однако данная работа не должна быть возложена на добровольных лидеров и попадать в зависимость от их возможностей, а должна быть организована на системной и устойчивой основе.

Создание специальных подразделений, включение в финансовый план и план работы, всесторонняя поддержка со стороны руководства сами по себе не могут гарантировать институционализацию этой деятельности до тех пор, пока ее реализация не будет вписана в систему оценки работы академических сотрудников и не будет соответствующим образом вознаграждаться. Институционализация такой деятельности требует поддержки и готовности со стороны преподавателей, сотрудников вузов, студентов и представителей общества. Реализация многих проектов, связанных с обществом, — консалтинг, повышение квалификации, прикладные исследования, совместные исследовательские проекты, практическое обучение с элементами общественной деятельности — напрямую зависит от степени вовлеченности со стороны преподавателей, их знаний, имеющихся у них связей. Поэтому до тех пор, пока африканские вузы не сделают реализацию общественно значимых проектов обязательным условием контракта, оценки, продвижения по карьерной лестнице, а также не начнут учитывать ее при вознаграждении,

преподаватели будут продолжать воспринимать ее не как неотъемлемую часть своей работы, а как нечто отвлекающее их от карьерного развития.

Наблюдения

Очевидно, что взаимодействие вузов с обществом идет на благо обеим сторонам процесса, так как вузы находят дополнительные источники финансирования, студенты получают новые образовательные возможности, а общество — доступ к интеллектуальным и прочим ресурсам вузов. Однако институционализация этой деятельности в Африке должна начинаться с более глубокого понимания данного явления. Взаимодействие с обществом часто интерпретируется как совместная работа с промышленным сектором, трансфер технологий, создание spin-off компаний. Но на самом деле под этим термином понимается взаимодействие, благодаря которому внешние по отношению к вузу сообщества, такие как правительственные и муниципальные общественные объединения, оказываются вовлеченными в процесс развития университетов, а вузы оказываются вовлечены в принятие общественно значимых решений, социальную и культурную жизнь. Соответственно, любой подход к институционализации этой деятельности, который концентрируется только на коммерциализации технологий, ограничивает возможности включения африканских вузов в жизнь общества и/или взаимодействия с внеуниверситетскими сообществами, потому что университеты пока не стали передовыми инновационными центрами. Кроме того, несмотря на то, что африканские вузы должны заниматься и коммерциализацией своих достижений, и решением социальных и экономических задач, они не должны ограничиваться прикладными исследованиями, а должны направлять свои усилия на фундаментальные исследования, так как в ряде стран континента — Намибии, Ботсване, Свазиленде, Мали, Анголе, Мозамбике — университеты являются единственным источником производства научного знания, поскольку альтернативных производителей знания в этих странах нет.

Создание специальных подразделений, включение в финансовый план и план работы, всесторонняя поддержка со стороны руководства сами по себе не могут гарантировать институционализацию этой деятельности...

Более того, институционализация взаимодействия с обществом требует помимо прочего создания специальных подразделений — например, таких, как Центр пищевых исследований и бизнес-инкубатор в Университете Макерере, Центр академического сотрудничества в Городском университете имени Нельсона Манделы, Центр повышения квалификации в Университете Ботсваны, Бюро управления и консалтинга в Университете Дар-эс-Салама. Для развития этой деятельности университетам следует избегать создания чрезмерно централизованных, вертикальных структур, которые ограничивают взаимодействие с обществом, концентрируя все активности в рамках отдельных подразделений, дисциплин или обязанностей конкретных людей. Институционализация этой деятельности требует анализа контекста, в котором находится каждый отдельный университет: его истории, приоритетных научных направлений, местоположения, организационной структуры, миссии, культуры, ценностей и приоритетов, национальных политических задач. Университеты, даже расположенные в одной стране, не могут иметь идентичные институциональные условия и задачи, а значит, и взаимодействие с обществом у них будет устроено по-разному. В связи с этим, а также в связи с недостатком финансирования, которое наблюдается во многих африканских университетах, система распределения ресурсов на развитие взаимодействия с обществом в каждом университете должна отражать, соотноситься и поддерживать его миссию, цели и актуальные задачи в этой области.

.....

Неолиберальная система управления в австралийском высшем образовании: усугубление кризиса

Рэйвин Коннел

Рэйвин Коннел — почетный профессор Сиднейского университета (Австралия). E-mail: raewyn.connell@sydney.edu.au.

Система высшего образования в Австралии ведет свой отсчет со второй половины XIX века, когда поселенцы открыли несколько первых небольших университетов. Они полагали, что университеты позволяют передавать от поколения к поколению культурную традицию, которая включала в себя, например,

умение цитировать Горация на латыни, и что молодые юристы, инженеры и врачи получают там необходимые практические навыки и познакомятся с европейским культурным наследием. Представители коренных народов, а также знания, которыми они владели, их история и культура, были полностью исключены из сферы интересов этих университетов.

В середине XX века в рамках масштабной программы национального развития прошла реформа высшего образования. Австралия находилась в стадии активной индустриализации. Модернизация требовала расширения системы среднего и высшего образования и увеличения числа студентов. Если до Второй мировой войны федеральное правительство Австралии практически не уделяло внимания университетам, то после ее окончания оно начало вкладывать огромные средства, получаемые из налоговых поступлений, на развитие небольших вузов, открытых еще в колониальный период, и создание новых университетов недалеко от крупных городов. В результате количество людей, получающих высшее образование, резко возросло.

Одновременно с этим изменилась и структура деятельности вузов. Общество поверило в необходимость развития технологий и научных исследований, в том числе в области социальных наук. В настоящее время главным источником нового знания являются исследовательские университеты, поэтому Австралия решила сделать акцент на их развитии. Первый исследовательский университет в стране появился в конце 1940-х годов, а вскоре и другие вузы начали открывать программы магистратуры и аспирантуры. Таким образом, страна увидела окна не только новых лекционных аудиторий, но и новых лабораторий.

Четыре десятилетия развития системы высшего образования привели к накоплению человеческого кадрового потенциала для развития государственных вузов, и к 1970-1980-м годам эти люди представляли интеллектуальную элиту австралийского общества. Вероятно, это способствовало и экономическому росту страны в целом. Сформировался незаменимый общественный ресурс — система высшего образования, которая, конечно, была не такой большой, как в США или Европе, но высокого качества и пользовалась широкой поддержкой и одобрением.

**В середине XX века
в рамках масштабной
программы национального
развития прошла реформа
высшего образования.**

Неолиберальный поворот

В 1980-х годах австралийским университетам пришлось привыкать к новым условиям существования. Политическая и бизнес-элита страны увлеклась неолиберализмом, который включал в себя идеи приватизации, дерегулирования, сокращения налогов, повышения эффективности управления, получения краткосрочных экономических результатов. Как и многие другие периферийные страны, Австралия вернулась к экономической структуре колониальных времен. На фоне деиндустриализации ведущей отраслью промышленности стала массовая добыча полезных ископаемых с целью экспорта. Спрос на производство научного знания в это время резко снизился.

В конце 1980-х годов правительство лейбористов запустило реформу высшего образования, и, как это нередко случалось в странах южного полушария, левые политики начали внедрять в Австралии принципы неолиберализма. Их идея была в том, чтобы расширить систему высшего образования, но таким образом, чтобы это было не слишком затратно. Первым делом они присоединили к университетскому сектору колледжи повышения квалификации — учебные заведения, которые не ведут исследовательскую работу. Никакого рационального зерна в этом решении не было — все происходило в сплошном капиталистическом угаре, причем ректоры теперь должны были заботиться о финансовом благополучии вверенных им «предприятий».

Следующий шаг — нужно было придумать, на кого бы переложить расходы. И тут же нашлось типичное неолиберальное решение: на студентов. Началось сокращение государственных расходов на высшее образование: если в начале 1990-х годов университеты на 90% финансировались напрямую из федерального бюджета, то сейчас лишь на 45%. А плата за обучение, которая ложится на плечи студентов, год за годом возрастала.

Зато иностранцы тоже стали наконец платить за обучение. В 1950-1970-х годах Австралия бесплатно обучала студентов из Азии в рамках оказания помощи развивающимся странам. Неолиберализм 1990-2000-х годов привел к пересмотру роли вузов: высшее образование, подобно добывающей промышленности, стало считаться важной экспортно ориентированной отраслью. Иностранные студенты, в основном азиатские, стали восприниматься как богатые покупатели, из которых нужно выжать как можно больше. Австралийские вузы пытались открывать филиалы за рубежом, но не достигли успеха: может быть, они считались недостаточно престижными, а может, потенциальных студентов привлекала возможность именно приехать в Австралию и впоследствии осесть там. Таким образом, доход от иностранных студентов поступал главным образом за счет тех, кто непосредственно приехал на континент.

Институциональные изменения

Изменение системы финансирования вузов — лишь одно из последствий политики неолиберализма. Произошла масштабная трансформация структуры университетов. Функции ректора стали все больше напоминать функции генерального директора коммерческого предприятия. Теперь ректоры принадлежат к слою высокооплачиваемых (по корпоративным стандартам) управленцев и получают несколько миллионов австралийских долларов в год, а в дополнение к ним (если повезет) еще и бонусы.

Управленческая верхушка вузов стала все дальше отдаляться от профессорско-преподавательского и административно-технического персонала. Между ними появился культурный разрыв.

В коммерческой сфере есть стандартный способ повысить доход: снизить стоимость рабочей силы. Первые сокращения коснулись административных сотрудников. Их функции все чаще стали перекладывать на аутсорсинговые компании. Возможно, это действительно помогает уменьшить расходы, однако такие сотрудники не являются частью вуза и мало контактируют с членами профессорско-преподавательского состава.

Стоимость труда преподавателей также было необходимо снизить. Это происходило несколькими путями. С одной стороны, преподаванию стало уделяться меньше внимания, и в период с 1990 по 2010 год количество студентов в расчете на одного преподавателя почти удвоилось. С другой — все меньше преподавателей получают постоянный контракт. Вузы не раскрывают полную информацию, поскольку она могла бы навредить их рыночному положению, однако, согласно подсчетам Национального союза за высшее образование, почти половину всех преподавателей, работающих на программах бакалавриата, составляют сейчас временные сотрудники.

Социальная интеграция университетов также снижается, и университетский менеджмент вводит все новые механизмы контроля. Так, повседневная деятельность сотрудников находится под постоянным наблюдением компьютеризированных систем, которые плохо учитывают особенности преподавательской и исследовательской деятельности и в результате провоцируют циничное поведение со стороны сотрудников.

Формально университеты теперь совершенно прозрачны, хотя на практике это не так. Они постоянно прибегают к типичным пиар-технологиям для улучшения своего имиджа и привлечения абитуриентов и спонсоров, а также создают себе глянцеобраз: бесконечные зеленые лужайки, расслабленные студенты, улыбающиеся преподаватели, просторные здания — и все это под неизменным австралийским солнцем. Времена, когда университет был обителью истины и поиска, остались в прошлом.

Кризис университетов

Первопричина всех этих изменений заключается в том, что правящий класс эпохи неолиберализма в Австралии не заинтересован в создании первоклассной системы высшего образования. Транснациональные корпорации, которые занимаются добычей угля и минералов, готовы импортировать необходимые технологии. А наиболее рентабельные местные предприятия, будь то в сфере строительства или игорного бизнеса, просто не нуждаются в высокопрофессиональной рабочей силе.

Конечно, богатые семьи, которые могут позволить себе оплатить обучение, заинтересованы в том, чтобы в стране было несколько вузов с хорошей репутацией, куда их дети могли бы пойти, прежде чем их отправят в престижные зарубежные бизнес-школы. В Австралии даже сформировалась так называемая Группа восьми — союз лучших и старейших университетов, что-то вроде Лиги плюща в южной части Тихого океана. Отношение к остальным вузам страны там пренебрежительное.

При этом аспиранты и недавние выпускники, которые сейчас составляют примерно половину всего профессорско-преподавательского состава программ бакалавриата, находятся под невероятным давлением. Они пытаются как-то заработать себе на жизнь, совмещая преподавательскую нагрузку в разных вузах, нередко в неудобное время, и при этом совершенно не защищены. Ежегодно в Австралии довольно много людей оканчивают вузы, однако никакой работы по поддержке молодых преподавательских кадров не ведется, скорее наоборот.

Несмотря на то что дискурс неолиберального подхода к управлению в Австралии — в соответствии с требованиями рынка — довольно оптимистичен, за глянцеобразом скрывается набирающий силу кадровый кризис и кризис воспроизводства интеллектуальной культуры. Неолибералы даже не признают, что такая проблема существует, и в то же время они не способны ее разрешить. А крупные финансовые и горнодобывающие корпорации не заинтересованы в ее решении.

Потенциально выйти из сложившегося кризиса можно в результате качественного сдвига в системе принятия решений, для чего нужно, чтобы общество осознало необходимость наличия первоклассной системы высшего образования, а сотрудники вузов бережно относились к сохранению богатого наследия предыдущих поколений.

.....

«Смешанные университеты» в Китае: сравнение университетов в Шанхае и Шэньчжэне

Рут Хейхоу, Джулия Пан

Рут Хейхоу — профессор, Джулия Пан — старший научный сотрудник программы по изучению высшего образования Института образовательных исследований провинции Онтарио, Университет Торонто, Канада. E-mail: ruthhayhoe@sympatico.ca, julia.pan@utoronto.ca.

Развивающиеся в Китае «смешанные университеты» (организованные с участием иностранцев) обладают двумя уникальными характеристиками. Во-первых, открытие подобного университета возможно только при условии заключения соответствующего партнерского соглашения между китайским и зарубежным университетом, которое будет одобрено Министерством образования Китая. Это отражает политику Китая в отношении поддержки собственного суверенитета, который на протяжении XIX века неоднократно подвергался нападкам со стороны других государств. Во-вторых, расположенные в процветающих прибрежных регионах Китая города ради улучшения своего имиджа готовы выделять землю и компенсировать часть расходов на строительство новых вузов. В данной статье мы опишем и сравним смешанные университеты, расположенные в шанхайском регионе и в городе Шэньчжэнь на юге страны.

Начало: англо-китайское сотрудничество

Первыми смешанными университетами Китая стали Университет Ноттингема — Нинбо, находящийся к югу от Шанхая, и совместный проект Сианьского университета Цзяотун и Ливерпульского университета, расположенный в соседнем цветущем Сучжоу. История этих вузов и их интереснейший сравнительный анализ подробно изложены в статье И Фэн (Yi Feng) 2013 года, вышедшей в журнале Higher Education.

Партнерство Ноттингемского университета и небольшого вуза местного значения в городе Нинбо получило поддержку властей города в виде строительства красивого кампуса. А Ливерпульский университет, наоборот, выбрал в партнеры первоклассный инженерный университет — Сианьский университет Цзяотун, и создаваемый ими университет финансирует расположенный в Сучжоу фонд. Студентам Университета Ноттингема — Нинбо доступен широкий спектр гуманитарных курсов на английском языке, схожих с теми, которые преподаются студентам в Ноттингеме.

А студенты Университета Цзяотун — Ливерпуль изучают различные аспекты инженерного дела и менеджмента с использованием инновационных образовательных и исследовательских технологий. Сейчас в каждом из этих вузов обучается примерно по 4000 студентов, и оба вуза планируют удвоить набор. Эти проекты стали результатом взаимодействия между ведущими учеными и высокопоставленными лицами двух стран; наиболее титулованный из них — Ян Фуцзя, ректор Фуданьского университета. Ян Фуцзя родом из города Нинбо, власти которого поддержали новый проект, а в Ноттингемском университете он занимал пост почетного ректора в 2001-2012 годах.

Продолжение: американо-китайское сотрудничество

За британцами последовали и американцы. В мае 2014 года мы посетили два новых американо-китайских университета, тоже расположенных в окрестностях Шанхая. Первый набор в Нью-Йоркский университет в Шанхае состоялся в 2013 году, а в Университет Дьюка в Куньшане — в 2014 году. Первый университет — итог совместной работы Нью-Йоркского университета и Восточно-китайского педагогического университета (ECNU), в результате чего в Пудуне, новом районе Шанхая, вырос кампус нового вуза, напоминающий по своей архитектуре Манхэттен. А второй проект был реализован в результате взаимодействия Университета Дьюка и Уханьского университета в городе Куньшань, в пригороде Шанхая, где был построен новый кампус, который очень похож на здание Университета Дьюка в Северной Каролине.

Заместителем декана Школы гуманитарных и естественных наук Нью-Йоркского университета в Шанхае стал профессор образовательных наук Восточно-китайского педагогического университета.

Первыми смешанными университетами Китая стали Университет Ноттингема — Нинбо, находящийся к югу от Шанхая, и совместный проект Сианьского университета Цзяотун и Ливерпульского университета, расположенный в соседнем цветущем Сучжоу.

Он работает вместе с проректором по учебным вопросам Джоанной Уэйли-Коэн — знаменитым китаистом, профессором факультета истории Нью-Йоркского университета, которая сейчас постоянно живет в Шанхае. Осенью 2013 года Нью-Йоркский университет в Шанхае зачислил первых 300 студентов, которые обучались на территории Восточно-китайского педагогического университета до осени 2014 года, когда был торжественно открыт кампус в Пудуне. Сейчас в новом вузе обучается уже 600 студентов, и планируется, что в 2015 и 2016 годах он примет еще по 500 человек. Всего же в нем будет обучаться одновременно около 3000 студентов, включая небольшое число магистрантов, первый набор которых состоится в 2015 году. Среди студентов самого первого набора 151 человек — китайцы (65% из них — жители Шанхая и окрестностей), 149 — иностранцы (60% из них — граждане США). Занятия проходят на английском, однако все студенты в обязательном порядке также изучают китайский. Учебный план предлагает широкий выбор предметов: гуманитарные, социальные и естественные науки, математика, языки, навыки письменной речи. Есть два курса, обязательных для всех студентов: «Общество: международный взгляд» и «Культура: международный взгляд». Кроме того, каждый студент должен провести один семестр за рубежом по программе обмена. 40% преподавателей — штатные сотрудники Нью-Йоркского университета, которые приезжают на небольшой период времени прочитать отдельные курсы, а еще 40% работают в Шанхае на постоянной основе, причем это ученые, нанятые по процедуре международного рекрутинга. Остальные 20% — иностранные ученые, работающие на временной основе. Развитию долгосрочных научных связей между двумя вузами, шанхайским и нью-йоркским, будут способствовать четыре исследовательских института, расположенных в Восточно-китайском педагогическом университете, которые занимаются проблемами нейробиологии, прикладной математики, статистической химии и социальной работы.

Первый набор в Университет Дьюка в Куньшане, который состоялся в 2014 году, составил 150 человек, поступивших на магистерские программы по менеджменту, медицинской физике и глобальному здравоохранению. Ситуация, когда вуз начинает работу с реализации магистерских программ, довольно необычна, но набор на программы бакалавриата также состоится, и предполагается, что число студентов на них составит около 4000. Перед специально созданной в Университете Дьюка комиссией была поставлена задача разработать учебную программу таким образом, чтобы она отражала уникальные характеристики американского исследовательского университета с сильным гуманитарным профилем. В первом осеннем семестре преподавание на программе вели 30 приглашенных профессоров Университета Дьюка, и был объявлен набор на штатные долгосрочные позиции в Куньшане. Были открыты совместные исследовательские

центры по вопросам глобального здравоохранения, экологии и энергетики. То, что ректором нового вуза является Мэри Браун-Буллок, известный китаист и заметная фигура в области американо-китайских отношений, которая постоянно живет в Куньшане, говорит о том, что новый вуз совмещает в себе все богатство как китайских, так и западных университетских традиций.

Шэньчжэнь: новые инициативы

В ноябре 2014 года в Шэньчжэне, расположенном на юге Китая, прошла пятая ежегодная конференция, посвященная взаимодействию Китая с другими странами в сфере управления образованием. Участие в этой конференции позволило нам лучше понять подход властей города к смешанным университетам. Этот город был основан в конце 1970-х годов в рамках «политики открытых дверей» Дэн Сяопина. Именно там во время исторического визита в январе 1992 года он впервые заявил об открытии Китая миру после трагических событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 году. Наиболее ярким событием конференции стал круглый стол, в котором участвовали проректоры семи ведущих китайских университетов, которые объявили о начале работы по созданию сразу нескольких новых университетских проектов в Лунгане — новом районе Шэньчжэня, задуманном властями как университетский городок. Это совместные международные проекты Университета Цинхуа и Калифорнийского университета в Беркли; Пекинского технологического института и Московского государственного университета; Цзилиньского университета и Университета Квинсленда; Хунаньского университета и Технологического института Рочестера и др. Все эти проекты появились в качестве ответа на запрос региональных властей по созданию небольших специализированных вузов, которые бы готовили специалистов именно в тех отраслях, которые необходимы в Шэньчжэне. Новые вузы нацелены на привлечение лучших китайских и иностранных студентов с их последующим трудоустройством в этом регионе. Требования рынка труда Шэньчжэня ставят задачи, радикально отличающиеся от задач, стоящих перед смешанными вузами шанхайского региона. Возможно, именно ради зондирования рынка на предмет новых возможностей на прошедшей в Шэньчжэне конференции присутствовали также представители нью-йоркской Новой школы, Цюрихского университета искусств и Института менеджмента имени Отто Белшема.

Основная кадровая проблема

Пожалуй, ключевая проблема новых вузов — поиск и набор первоклассных преподавателей, которые были бы готовы работать в Китае на постоянной основе. В Университете Ноттингема — Нинбо преподают в основном профессора из Ноттингема, а Университету Цзяотун — Ливерпуль удалось привлечь междуна-

родных преподавателей. Нью-Йоркский университет в Шанхае пока практически полностью зависит от нью-йоркских преподавателей, но активно ищет постоянных сотрудников по всему миру. Аналогичная ситуация и в Университете Дьюка в Куньшане. Можно предположить, что привлечь ученых мирового уровня в Шанхай будет проще, чем в молодой город Шэньчжэнь, поэтому будет интересно понаблюдать за тем, как расположенные там новые университеты справятся с этой задачей.

Японский проект «Ведущий мировой университет»

Юкико Симми, Акиёси Йонедзава

Юкико Симми — доцент Университета Хитоцубаси (Токио, Япония). E-mail: yshimmi@gmail.com.

Акиёси Йонедзава — доцент Нагойского университета (Япония). E-mail: yonezawa@gssid.nagoya-u.ac.jp.

В сентябре 2014 года Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (МEXT) определило 37 университетов, которые будут участвовать в проекте «Ведущий мировой университет» (Top Global University). Эти университеты в течение 10 лет могут претендовать на дополнительное государственное финансирование для повышения глобальной конкурентоспособности или проведения внутриуниверситетских реформ, направленных на повышение интернационализации (например, на изменение системы управления и организационной структуры, учебных планов, приемной кампании и пр.). С одной стороны, понятно, что государственная поддержка является обязательным условием интернационализации японских университетов, с другой — в отношении выбранного подхода существуют определенные сомнения, которые касаются, например, микроменеджмента со стороны государства в отношении внутриуниверситетских реформ, стандартизованного подхода к интернационализации, расширения разрыва между университетами.

Основные характеристики проекта

Вузы, участвующие в проекте, разделены на две категории. Категория А была присвоена 13 крупным исследовательским университетам, основная задача которых состоит в повышении глобальной конкурентоспособности и вхождении в первую сотню международных университетских рейтингов. Правительство четко обозначило вхождение в мировые рейтинги как один из основных количественных

показателей эффективности университетов этой категории. В категорию А вошли все семь бывших императорских университетов, еще четыре государственных национальных университета и два престижных частных вуза. Каждый из них будет получать 500 млн иен (около 4,3 млн долларов США) в год на протяжении максимум 10 лет. Остальные 24 университета, участвующие в проекте, были отнесены к категории Б, и перед ними стоит задача повышения уровня интернационализации японского высшего образования. В эту категорию вошло десять государственных национальных университетов, два государственных региональных и двенадцать частных. Они могут претендовать на получение 200-300 млн иен (примерно 1,7–2,5 млн долларов США) в год.

По сравнению с текущим бюджетом университетов или бюджетом аналогичных проектов других стран, деньги, выделенные на этот проект, нельзя назвать большими. В отличие от многих других инициатив академического превосходства, проект «Ведущий мировой университет» привязывает финансирование не к результатам научной деятельности, а к повышению глобальной международной конкурентоспособности университета через усиление интернационализации, реформирование системы управления, переориентацию кадровой политики в соответствии с принципами глобальной конкуренции. Университеты проекта могут также использовать статус участника для привлечения японских и иностранных абитуриентов, а также партнеров, приводя в качестве аргумента сам факт того, что они вошли в небольшую группу университетов, выделенных правительством в качестве вузов, соответствующих лучшим международным образцам.

Подходы к выбору университетов и достижение поставленной цели

Каждый университет-участник должен представить стратегический план действий по проведению внутренних реформ и достижению заявленных целей, который должен соотноситься с имеющимися ресурсами. Нагойский университет, например, заявил своей целью «стать азиатским образовательным узлом

По сравнению с текущим бюджетом университетов или бюджетом аналогичных проектов других стран, деньги, выделенные на этот проект, нельзя назвать большими.

для поддержания устойчивого мирового развития в XXI веке» и начал работать над созданием филиалов вуза в других азиатских странах. Предполагается, что в кампусах будут реализовываться аспирантские программы для будущих лидеров этих стран. Согласно стратегическому плану Университета Кэйю, ведущего частного вуза, его основная цель — укрепление своих позиций в области прикладных исследований путем усиления связей с промышленным сектором.

Стратегические планы вузов предполагают примерно один и тот же набор действий для достижения поставленной цели. Большинство из них планирует развивать интернационализацию, делая акцент на нескольких конкретных форматах: разработка междисциплинарных учебных курсов, программ двойных дипломов и курсов на английском языке; засчитывание результатов внешних языковых тестов при приеме; поддержка и международное продвижение международных исследовательских проектов; усиление связей с промышленным сектором; участие в работе международных объединений; развитие зарубежных филиалов; повышение квалификации преподавателей и административных сотрудников и пр.

Это однообразие отчасти объясняется тем, что в официальной форме, которую должны были заполнить все вузы-участники, нужно было перечислить основные виды работ, которыми они планируют заниматься. Университетам было предложено оценить состояние дел на момент начала проекта, а также желаемое положение дел к моменту окончания проекта по 40 показателям. В форме были перечислены базовые показатели интернационализации (число иностранных студентов; число студентов, уехавших по обмену за рубеж; количество действующих международных соглашений о партнерстве; число иностранных преподавателей). Кроме того, вузы-участники должны были описать состояние дел по некоторым другим аспектам, влияющим на интернационализацию, таким как наличие общежитий для зарубежных студентов и преподавателей; наличие учебных курсов на иностранных языках и курса японского языка для иностранцев; переход на систему подсчета среднего балла; подготовка программ учебных дисциплин на английском языке; наличие информации о вузе на иностранных языках; открытие возможностей для поступления иностранцев. Форма также содержала показатели, которые напрямую не связаны с интернационализацией, но при этом отражают другие аспекты проходящих в вузах преобразований: внедрение новой системы оплаты труда на основе меритократических принципов и контроля качества, которая отвечает международным стандартам; степень реализации перехода на американскую модель академических контрактов.

Некоторые сомнения

Проект «Ведущий мировой университет» действительно может оказать вузам серьезную поддержку в повышении международной конкурентоспособности. С точки зрения налогоплательщиков, правительство должно регулярно отслеживать реализацию этого проекта, финансируемого за счет бюджетных средств, в соответствии с четко прописанными показателями. Однако есть сомнения, связанные с возможными последствиями этого проекта.

Одним из результатов проекта может стать переход к неэффективному микроменеджменту со стороны государства, притом что университеты по природе своей должны быть независимыми. В принципе, руководители проекта уважительно относятся к автономии вузов и соглашаются с тем, что стратегический план каждого университета должен соотноситься с его миссией и направлениями деятельности. Однако навязывание многочисленных заранее прописанных показателей и драконовская система их отслеживания и оценки ведут в долгосрочной перспективе к снижению степени независимости вузов.

Кроме того, диктуя, на какие показатели вузы должны обращать внимание, руководители проекта рискуют, что на выходе ведущие университеты (особенно в категории А) будут предпринимать одни и те же стандартные шаги для развития интернационализации. Большинство введенных правительством показателей — количественные, что позволяет упростить задачу сравнения вузов между собой, при этом многие из них взяты из международных рейтингов.

Кроме того, перед японским высшим образованием стоит еще одна проблема. Этот проект, так же как и предыдущие правительственные программы дополнительного финансирования университетов, которые были направлены на повышение интернационализации, ориентирован на небольшую группу элитных университетов. И если в результате постоянной поддержки этим университетам шаг за шагом удалось подготовить внутриуниверситетские сервисы и административные ресурсы для предстоящих реформ и повышения интернационализации, то другие вузы остались в стороне. Одновременно с началом проекта «Ведущий мировой университет» правительство открыло дискуссию о необходимости функциональной диверсификации вузов и реструктуризации всей системы высшего образования в целом. И хотя понятно, что государство не может оказывать всем вузам финансовую поддержку, необходимую для того, чтобы они трансформировались в университеты «мирового класса» или хотя бы стали в достаточной степени международными, подход, при котором большинство студентов в стране оказывается за бортом международного образовательного процесса, нежелателен.

Несмотря на некоторые проблемные составляющие, проект «Ведущий мировой университет» станет источником идей и методологий для интернационализации и реформирования как университетов — участников проекта, так и всех остальных. Стратегические планы вузов и результаты их оценки правительством доступны онлайн, вузы также будут публиковать в интернете свои промежуточные и окончательные отчеты (полный текст будет доступен по-японски, сокращенная версия — по-английски). Прозрачность реализации этого проекта будет способствовать распространению передового опыта в области повышения интернационализации вузов.

Центр по изучению международного высшего образования рад приветствовать нового директора

Лора Рамбли

Лора Рамбли — заместитель директора Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже. E-mail: rumbley@bc.edu.

1 сентября 2015 года наш центр возглавит профессор Ханс де Вит. Де Вит, голландец по национальности, является профессором в области интернационализации высшего образования Амстердамского университета прикладных наук и исполняет функции директора Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане. Кроме того, он работает в качестве приглашенного исследователя в Городском университете имени Нельсона Манделы, расположенном в Порт-Элизабет (ЮАР).

Профессор де Вит вплотную занимается феноменом интернационализации высшего образования: его историей и причинами, теорией и практикой, современным состоянием дел, опубликовал множество статей. Является основателем ведущего научного журнала в этой области — *Journal of Studies in International Education*.

Ханс де Вит выступает не только как ученый, но и как практик. Он один из членов-основателей и бывший председатель Европейской ассоциации международного образования (EAIE). Его заслуги отмечены многими организациями по всему миру; в 2005-2006 годах

он являлся стипендиатом программы New Century Scholar в рамках Программы Фулбрайта.

Ханс де Вит сменяет директора-основателя центра профессора Филипа Дж. Альтбаха, который руководил им в течение двадцати лет и превратил его в признанный международным сообществом информационно-аналитический центр по изучению последних тенденций в области высшего образования по всему миру. Профессор Альтбах продолжит сотрудничать с центром в качестве научного сотрудника Школы образования Линча при Бостонском колледже и редактора данного ежеквартального бюллетеня.

Профессор Альтбах называет профессора де Вита «мистер Интернационализация» в мире высшего образования и говорит о том, что все сотрудники центра и Бостонского колледжа очень рады приветствовать профессора де Вита в этой должности. Морин Кенни, декан Школы образования Линча, в которой расположен центр, также отмечает, что Ханс де Вит, исследователь международного уровня, «поделится с нами своим обширным опытом в области разработки и управления образовательными программами, который будет полезен и нашему вузу, и другим американским, а также международным вузам, включая многочисленные иезуитские и католические университеты».

Этому назначению рады все стороны процесса. Профессор де Вит с особой теплотой отзывается о Бостонском колледже, в котором в 1995 году работал в качестве приглашенного исследователя. Он пишет: «Я в восторге от своей новой работы, ведь я смогу совмещать теоретический и практический опыт, накопленный за прошедшие годы. Я принимаю руководство центром у замечательного ученого и моего хорошего друга. Я очень рад предстоящему сотрудничеству с высокопрофессиональной и мотивированной командой исследователей и аспирантов».

Третье десятилетие работы Центра по изучению международного высшего образования начинается под руководством нового директора — Ханса де Вита. Мы полны энергии и энтузиазма в преддверии новых проектов и перспектив, которые, несомненно, будут прочно связаны с выдающимися достижениями нашего прошлого.

Новые публикации

За последнее время вышло несколько книг, в основе которых лежит работа исследователей Центра по изучению международного высшего образования и наших партнеров. Все они отражают наш многолетний интерес к академической профессии и нашу убежденность в том, что именно преподаватели и ученые представляют собой ядро любого успешного университета. Три из четырех описанных ниже исследований были проведены при финансовой поддержке нашего давнего московского партнера — Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Спонсором четвертого исследования стал Американский совет по вопросам образования.

- **Young Faculty in the Twenty-First Century: International Perspectives.**
Edited by Maria Yudkevich, Philip G. Altbach, and Laura E. Rumbley.
Albany, NY: State University of New York Press. 364 pp. \$90 (в твердой обложке).
Данная книга содержит 10 страновых кейсов (Россия, США, ЮАР, Португалия, Норвегия, Индия, Бразилия, Франция, Германия, Китай) и несколько сравнительных аналитических статей. Вскоре планируется выпуск издания в мягкой обложке.
- **The Global Future of Higher Education and the Academic Profession.**
Edited by Philip G. Altbach, Gregory Androushchak, Yaroslav Kuzminov, Maria Yudkevich, and Liz A. Reisberg.
Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. 264 pp. \$40 (в мягкой обложке).
Это переиздание книги, впервые вышедшей в 2012 году. В ней анализируются проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели в странах БРИК.
- **Academic Inbreeding and Mobility in Higher Education: Global Perspectives.**
Edited by Maria Yudkevich, Philip G. Altbach, and Laura E. Rumbley.
Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. 264 pp. \$100 (в твердой обложке).
Академический инбридинг распространен во многих странах. Данная книга посвящена изучению этого явления в восьми государствах: Аргентине, Испании, Китае, России, Словении, Украине, ЮАР и Японии. Содержит также сравнительные аналитические материалы и подробный обзор литературы по каждому кейсу.
- **Global Opportunities and Challenges for Higher Education Leaders: Briefs on Key Themes.**
Edited by Laura E. Rumbley, Robin Matross Helms, Patti McGill Peterson, and Philip G. Altbach.
Rotterdam, Netherlands: Sense, 2014. 251 pp. \$45 (в мягкой обложке).
Это сборник небольших статей, основной аудиторией которых являются руководители верхнего звена в области высшего образования. Основные темы: международное взаимодействие, Китай, Индия, страны «Южного конуса» Латинской Америки. Данные статьи освещают современное положение дел в сфере высшего образования в перечисленных регионах. Особое внимание уделено вопросам интернационализации и развития международных партнерств. Изначально данные материалы были подготовлены для руководителей американских вузов и американских чиновников, однако они представляют интерес и для коллег из других стран.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко
Редактор перевода — Лариса Тарадина
Корректор — Ольга Першукевич
Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв
Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru
Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Тираж 100 экз.

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

81

Лето
2015

